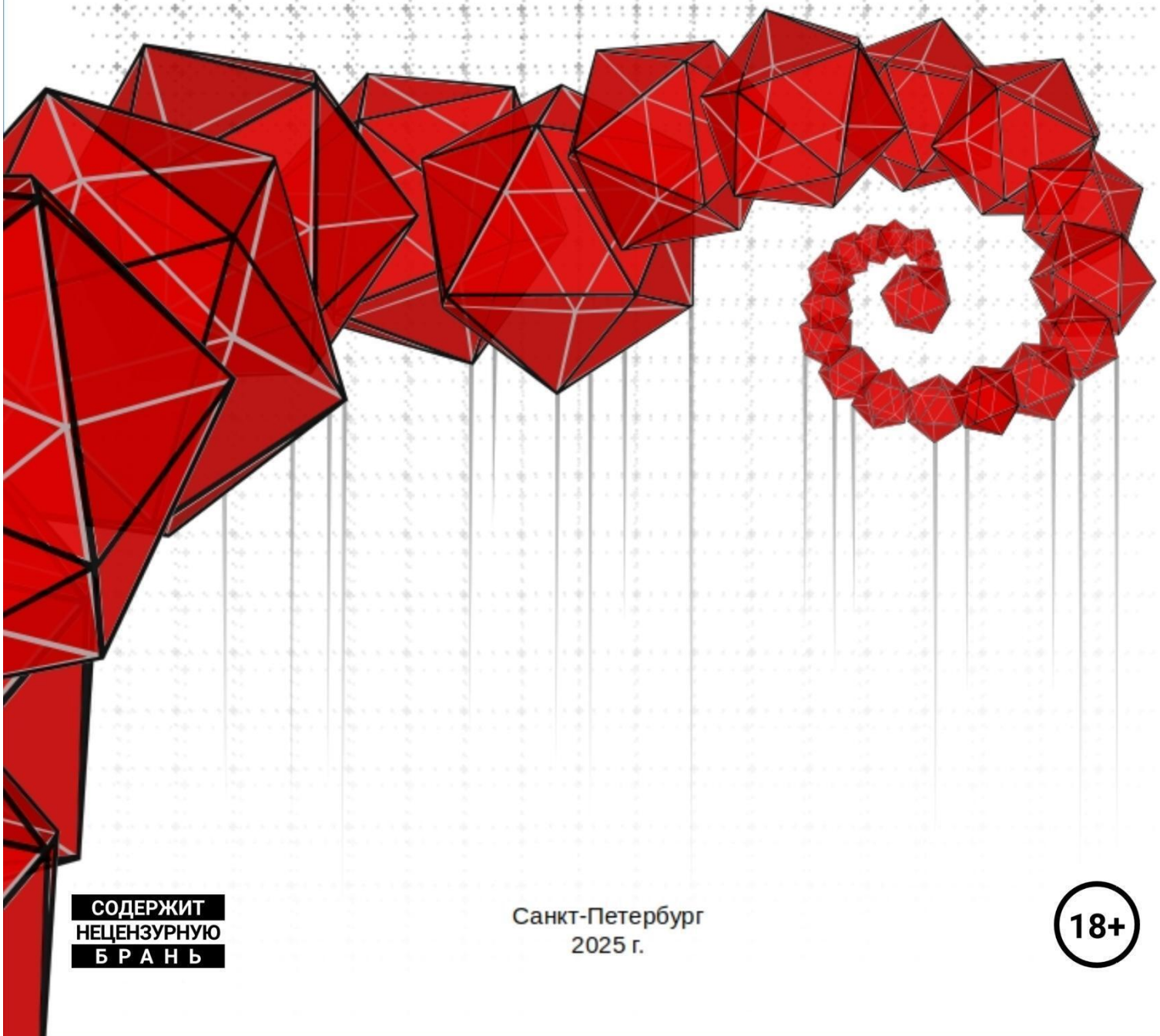
Сергей Кондрашкин

Светодиодные Спирали

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

Санкт-Петербург
2025 г.

18+

Сергей Кондрашкин

Светодиодные спирали

«Автор»
2025

Кондрашкин С. А.

Светодиодные спирали / С. А. Кондрашкин — «Автор», 2025

ISBN 978-5-532-89562-1

Искусственные интеллекты не стали заменой человеку. Они не заменили художников, инженеров, врачей, но полностью заменили общественные институты. Излечение любых болезней, изменение личности целиком или частями, - все стало возможным. Мир и процветание. Шокирующим становится даже просто упоминание о насилии. Наступил золотой век человечества…Начинающая психолог, неудавшийся священник и мошенник оказываются втянутыми в расследование таинственного убийства. Интерес к которому проявляет лишенная возможности подключаться к глобальной сети банда мотоциклистов. Цели преступления неясны, средства непостижимы, ниточки ведут в загадочный мир нейросетей и наномашин. В эпоху, когда виртуальность окружает тебя, сложно оставаться просто человеком. Что ждет их на пути к отгадке, какие опасности готовит новый дивный мир, как остаться собой, обрести любовь, и в чем же заключается все человеческое в наших героях?Ответы на эти вопросы Вы найдете в этой книге.18+. Ненормативная лексика. Сцены насилия.

ISBN 978-5-532-89562-1

© Кондрашкин С. А., 2025
© Автор, 2025

Содержание

Глава 1. Конкурентное преимущество 5
Глава 2. Нереализованный проект 18
Глава 3. Осколок 30
Глава 4. Мученик 42
Конец ознакомительного фрагмента. 47

Сергей Кондрашкин
Светодиодные спирали

Глава 1. Конкурентное преимущество

"Клиника Новая жизнь" – зря я на маркетологе тогда сэкономил, надо было как-то иначе назвать", – Александр плеснул себе виски. Опыт подсказывал, что до решения суда о применении к нему принудительных мер медицинского характера в виде иммерсивного нейромодулирования пройдет еще лет пять-десять, и то, если он продолжит пить теми же темпами и при условии, что никого не угробит.

– Долго еще? – Он чувствовал раздражение. Алиса явно затянула обследование.

– Ну, пардон, я ж психолог, я ж не врач! – Алиса скривилась. – Мне все еще нужно разговаривать с людьми, вообще-то.

Александр Владимирович посмотрел ей в глаза. Сейчас ее образ, облаченный в платье цвета оло, был расположен прямо за оконным стеклом. На мониторе перед ним она же сидела в комнате с пациентом и что-то ему вещала с умным видом.

– Уже заканчиваю.

– Разговаривать с людьми… Вы же с ним своим аватаром говорите, кому вы лапшу на уши вешаете?

Александр видел двух Алис сразу.

В режиме реального времени миллионы датчиков, проекторов, умных и не очень наночипов во всевозможных поверхностях клиники создавали два ее образа. Александр видел ее сквозь стекло и прекрасно знал, что если он заглянет за него, то никого там не найдет. Образы создавались подобно оптической иллюзии, проецировались в глаза собеседнику. Смотришь в зеркало – и видишь рядом со своим отражением отражение еще одного человека, смотришь сквозь стекло – и видишь собеседника за ним… Или видишь рекламу, если не можешь позволить себе нужные фильтры. Второй, совершенно идентичный первому, образ был в палате пациента.

Алиса работала из дома. Это знал Александр, знал это и пациент, ожидавший принудительного лечения. Чего пациент не знал, так это какая именно из Алис настоящая, а какая лишь симуляция. Симуляцией управлял ее домашний компьютер. Алиса мастерски переключалась между собой настоящей и своим цифровым слепком. Похоже, она имела внутреннее чутье – безошибочно определять, когда беседа с клиентом пошла не туда и нужно взять на себя управление аватаром. На экране монитора Александр наблюдал, как Алиса предлагает пациенту жвачку, лежавшую на столе все это время.

– О, наконец-то… Почти два часа прошло.

Александр уставился на протестующих на улице. Пятеро уставших мрачных людей стояли у входа в клинику. Шестой был полицейским, лениво поглядывал в их сторону, следил за порядком. "ИНМ – вмешательство в замысел Божий", "Нейровизуализация – путь в ад" – гласили плакаты, явно написанные одной рукой.

Образ Алисы быстрым шагом миновал оконное стекло, проследовал за прозрачной стеной кабинета, от чего создавалось впечатление, что она идет сквозь бетон за стеклянной перегородкой, завернул за угол и через пару мгновений появился на отражении дивана в зеркале. Ее глаза выдавали разочарование.

– Почему я выбрала эту тему? Это должно было быть интересным, я хотела работать с патологией, с убийцами, с серийным взломом секс-программ… – она закатила глаза. – А я трачу время на скучных недоразвитых гопников, которые даже мелочь украсть не могут так, чтобы не попасться.

Александр просиял.

– Вам же было интересно, нет? Вроде как нетипичный случай?

– Немного импульсивности, немного педагогической запущенности, много алкоголя… – Алиса вздохнула.

– Судебный запрет четвертого уровня – так это на деньги любовницы.

– Ой-ой-ой, оказалось неинтересно? – Александр отхлебнул из стакана. – А вы, наверное, трансгуманистов из какой-нибудь террористической ячейки рассчитывали увидеть или… – он сделал театральную паузу, на лице расползлась довольная улыбка, – поймать Сланцевского мясника? – закончил он шепотом, продолжая улыбаться, довольный шуткой.

Алиса пристально посмотрела ему в глаза. Ну прямо кошка, готовая вцепиться в жертву. «Интересно, а есть у нее кто-нибудь?» – подумал Александр и слегка улыбнулся. Алиса ему определенно нравилась.

– В психиатрии и раньше-то было две таблетки в три ряда, а теперь вообще одна таблетка, и та – просто усовершенствованный вид лоботомии. Может, вас нейросетями заменить всех? Александр Владимирович, вы когда последний раз с пациентом говорили словами? – последнее слово она произнесла с нажимом.

Эти споры повторялись так часто, что Александр стал считать их местной традицией, хоть Алиса и работала всего три недели. Вживую они никогда не виделись, но то, что для удаленной работы она использует свой настоящий образ, вызывало симпатию. Вокруг полно было скандалов, когда та или иная медийная личность оказывалась лишь удачным аватаром под управлением толстого мужика или ребенка. Но Алиса была настоящей – в этом он был уверен, она точно была женщиной, точно молодой, и мимика была точно ее. Ну а если она и подправила себе сетевую внешность, так это простительно.

Алиса не унималась.

– Слушайте, а может, все эти активисты правы? Покупка пациентов на бирже… Так себе, если честно.

– О, маркетплейсы медицинских услуг сводят вместе пациентов и лучших специалистов, – Александр напустил на себя важный вид.

– Ага, и по сходной цене, – парировала она. – Кстати, а ведь и трансгуманисты, и Сланцевский мясник использовали какие-то из ваших этих штук.

– И что?

– А не может быть, кто-то из психиатров замешан, а? Он же заменял программы нейромодуляции на свои. Вместо беседы по душам с умершей бабушкой пациент получал пытки, доводившие его до самоубийства.

– Изощрённо, умно… Но в конечном счете все это было решено. Теперь ни один нанобот программы модуляции не запустится без сертификата Центрального ИИ им. Сербского.

– А кто присмотрит за ЦИИ? – Алиса прищурилась.

– Ладно, жвачка уже начала действовать, пора и мне за работу.

– Маякните, когда очнется, мало ли, материал будет.

Алиса писала диссертацию. Ее тема вызывала у Александра смех и стала причиной огромного количества шуток. "Невротические расстройства у пациентов, перенесших принудительную иммерсивную нейромодуляцию в результате судебной ошибки". Где она собиралась искать таких пациентов? Всем было известно, что судебные ИИ давно перестали ошибаться.

Тем временем пациент лег на кровать и уснул. Наноботы, из которых и состояла жвачка, уже достигли его альвеол, уже принесли молекулы гексофторпропана и разместили их ровно столько, сколько требовалось для глубокого сна. В студенческие годы Александру нравилась анестезиология, те глубокие познания, которые она требовала. Но общаться с людьми ему не хотелось, и в конечном счете он стал психиатром. Две технологии: одна позволяла видеть происходящее в психике пациента, другая позволяла вмешиваться в нее – вместе они избавили страдающих от необходимости принимать лекарства и месяцами ждать результатов, а врачей – от необходимости общаться с больными. Результаты были фантастическими. Излечение любых расстройств, изменение личности целиком или частями, замена памяти о травматических событиях – все стало возможным.

Прямо сейчас на кушетке лежал молодой мужчина. Из медицинских и юридических документов Александр знал его имя, возраст, знал о частых конфликтах, проблемах с работой, кредитами, алиментами, о мелких кражах и злоупотреблении алкоголем. В конце концов, опустив свой личный рейтинг ниже плинтуса, Алексей – так его звали – был задержан полицией. Там же, в отделе, в помещении бывшего магазина "Четверочка" что на Ленсовета, в дистанционном формате состоялся суд. Судебный ИИ вынес решение за долю секунды. Экспертиза, сканирование, размещение муниципалитетом заказа на принудительное лечение на маркетплейсе. "Бирже" – как ее называли врачи. Все банально, и все это Александр видел уже тысячу раз. И только одно вызывало тревогу.

– Судебный запрет четвертого уровня, – медленно произнес он вслух и принялся рассуждать уже мысленно.

– Я если убью кого-нибудь, мне придется набрать кредитов для оплаты юридического ИИ такого уровня, а тут дело о мелкой асоциальности. Богатая любовница? Нет, приятель, какая бы богатая ни была, она же не идиотка, какой смысл скрывать битые бутылки и мелкие кражи, если и так все в курсе. А тут запрет на просмотр врачом модуляции психики пациента… Что такого может быть в твоих нейронах, а? Они дешевле дорожной пыли, и тебе самому, кажется, не очень-то были и нужны. А вообще, какая такая любовница богатая может быть у такого персонажа? Неловкий, необразованный, неумный. Кому ты мог понадобиться? Алиса насчитала IQ меньше сотни, хорошо ли ты понимаешь, что такое судебная система? Ладно, в конце концов у Алисы все сошлось, а мне за тебя платит муниципалитет, мое дело маленькое – есть постановление, есть лечение.

Александр посмотрел на монитор. Еще раз пробежал глазами по показателям жизненных функций. Они были в норме. Мельком окинул диаграммы распределения медиаторов в нервной ткани, показатели плотности, состава и функциональности наноимплантов, рассеянных в

телах людей подобно тому, как в их телах оседал микропластик в далеком прошлом. Ничего, за что можно было бы зацепиться глазами. Ничего интересного.

Робот аккуратными движениями нанес гель на предплечья пациента. Миллиарды комплексов нанофабрик, увешанные легионами пикомашин, направились сквозь кожу. Каждая из них несла свою функцию, каждая из них знала свое место и цель, и все они действовали заодно. Подобно древним африканским термитникам, где миллионы поколений тысячи лет подряд согласованно строили целые города, не задаваясь вопросом "зачем?". Они просочатся в любые ткани, они возьмут контроль над любой клеткой. Создадут новые синапсы так, чтобы замкнулись необходимые цепи нейронов. Разрушат те связи, что не отвечают цели, а затем переварят их, используя как строительный материал для новых невральных отростков. Они закачают в их миелиновые оболочки новые сигнальные молекулы. Они расчетливо уничтожат лишние медиаторы. Шаг за шагом, неотвратимо, они создадут пациенту новые воспоминания, новые рефлексы, новые отношения и шаблоны смыслов. Все то, что предусмотрено программой иммерсивной нейромодуляции.

Сам пациент при этом не будет сторонним наблюдателем. Его тело, его ткани, органы, его психика будут реагировать на вмешательство, он будет видеть сны. Эти сны станут проекцией того, что происходило на физиологическом уровне. Технология нейросетевой визуализации позволяла врачу видеть эти "сны" и управлять ими, вмешиваться, если наномашины направляли процесс лечения не туда.

В данном случае Александр должен был действовать вслепую – именно ТНВ была запрещена решением суда.

«Начать модуляцию», – проговорил про себя он мысленную команду. Перед глазами, видимый только ему, возник запрос на пароль. Подумав пароль и дождавшись отклика системы, Александр помыслил команду еще раз.

Машины ожили, зашевелились, расправили лопасти, жгутики, псевдоподии. Хаос свободного движения стал превращаться в целенаправленные потоки. К клеткам нервной системы, в межклеточные пространства устремлялись крошечные машины, и все как единое целое, и все как четкий механизм. Одни обеспечат доступ, другие – транспорт и навигацию, третьи – сложную систему обратной связи. Последние доставят пикомашины, будут поддерживать и восполнять их.

Картинка на экране – распределение крошечных точек, их согласованное, механическое движение сквозь тело, – картинка и то, что она выражала, – завораживало, восхищало. Высокое достижение науки на благо всего человечества!

Александр сделал глоток и вспомнил про пикетчиков на улице. «А ведь этим людям никогда не оценить всю красоту и всю космическую сложность…» – с грустью подумал он. Мысленно он сделал жест, распознанный сенсорами кабинета. Стеклянные поверхности стен стали матовыми, разделились на прямоугольники, каждый из которых показывал «сны» его пациентов.

Вот молодой парень, практически подросток, сидит на стуле, и его лицо отражает напряженное, тревожное раздумье. Внимание привлекает цветок. Он подается вперед, рассматривает его, прикасается пальцами к стеблю. Лицо становится расслабленным, как будто все его

внимание захватил цветок, а прежние мысли вдруг улетучились. Александр улыбнулся. Раннее обращение за помощью позволило предупредить большие проблемы в будущем: «Тут все будет хорошо».

А вот пожилая женщина. У нее несколько лет назад погиб муж, и сейчас она во «сне» разговаривала с ним, тихо держа за руку. Слушать их разговор Александр считал неэтичным.

Мужчина средних лет строит карточный домик. Его пальцы аккуратно ставят карту за картой. Конструкция явно уже противоречила законам физики, однако пациенту это нравилось. Александр пригляделся – одна из карт, «туз пик», упала на пол, начала деформироваться, контуры ее начали дрожать, превращаясь в очертания ножа. Александр увеличил картинку, протянул руки к экрану, чтобы вмешаться, но нож на полу вдруг расплылся, превратился в лужу, вновь собрался в карту; символы на ней несколько раз вздрогнули и застыли искаженными.

«Ах, вот же она!» – воскликнул мужчина, поднял карту с пола и водрузил на вершину конструкции. Откинулся назад, с удовлетворением рассматривая свое творение. Александр расслабился – пациент справился со всем сам.

«Этого, похоже, можно будить уже», – подумал Александр, смахивая изображение в сторону.

Все изображения на стенах были разными, но все схожи: белый фон, растения в виде травы или цветов в горшке и плавные движения фигур в центре. Все изображения – кроме одного. Единственный черный прямоугольник с белой надписью «запрещено».

Александр переместил прямоугольник принудчика перед собой и увеличил. Мысленно нажал на него. Перед глазами врача в воздухе повисла надпись:

«ТНВ запрещена на основании постановления Московского районного суда Санкт-Петербурга», далее номер, дата, криптографическая ссылка.

Монитор жизненных функций сообщал, что пациент находится в стабильном состоянии; уровень физиологического стресса находился в допустимом диапазоне. Александр смахнул черный экран в сторону. Секунду помедлив, свернул все изображения пациентов. На физическом мониторе перед ним остались небольшие квадраты дежурных изображений «снов».

«А ведь я так и не спросил, есть ли у нее кто-то…» – его мысли вновь вернулись к Алисе. «Симпатичная… Далась ей эта диссертация.»

Она ему нравилась – и ее вспыльчивость, и ее точность в работе, и ее колкости. С легкой улыбкой он принялся размышлять о том, как бы намекнуть ей на свидание.

Спустя несколько часов все экраны были пусты, кроме одного. Благодарные пациенты оплатили счета; счета на принудительную модуляцию направлены в соответствующие инстанции и уже тоже были оплачены. На мониторе остался лишь один экран – и яркое белое слово «запрещено» на нем.

Александр хмурился. Модуляция длилась уже третий час, что немного выбивалось из графика. Но больше всего его раздражала неизвестность. Заглянуть в пациента он не мог и не имел возможности понять, на какой стадии находится процесс и когда он закончится. Не имел законной возможности.

Прождав еще час и дважды перенеся вызов такси на более позднее время, Александр задумался о том, что брать в работу кота в мешке, пусть и за хорошие деньги, – не самая хорошая затея.

«Леха, Леха, что-то ты долго», – произнес он, обращаясь в пустоту. «А вот так всегда. Пятница, вечер, ты уже мысленно дома – и обязательно что-то пойдет не так.»

Монитор по-прежнему информировал о стабильно хорошем состоянии пациента. Не происходило ровным счетом ничего. Время тянулось, напряжение нарастало.

Александр принялся размышлять.

«Зачем нужно скрывать модуляцию гопника?»

«Криминальный элемент исключен. Маркировки ЦИИ им. Сербского подделать было невозможно. Может быть, он был каким-то важным свидетелем? Программа защиты свидетелей? Нет, такое точно на Бирже не разместят. Никакая модуляция не поможет, если наемный убийца, придя по адресу, просто прострелит клиенту голову.»

«Контрразведка? У них свои клиники и доступ к любым технологиям, им не нужны услуги частников.»

«Террористы? Тоже вряд ли. Они устраивали массовые взломы, заставляли переживать свои программы сразу большое количество людей и уж точно не стали бы заморачиваться на получение судебных запретов.»

«Активисты-антипсихиатры? Сами искалечат пациента, а потом обвинят врача? Больше смахивает на бред. Да и клиника мелковата для такого вброса.»

Раздался вызов. Алиса.

«Александр Владимирович, я просила вас мне сообщить, когда принудчик придет в себя. Вы забыли?» – голос ее был холодным.

Александр окончательно протрезвел.

«Алиса Геннадьевна, я не забыл. Тут с вашим пациентом что-то не так.»

Холодное раздражение в глазах Алисы сменилось любопытством. Она молчала.

«Он модулируется уже пятый час.»

«Что?!»

«Так и есть. Все разошлись давно. Даже психотический пациент. А этот модулируется…»

Алиса отключилась.

«С таким стилем общения у нее точно никого нет», – подумал Александр и усмехнулся.

Еще через несколько минут Алиса показалась за стеклянной перегородкой у входа в кабинет.

«Привет, что-то поменялось?»

«Нет, все еще модулируется, все еще грезит. Ума не приложу почему.»

«Я зайду?»

Александр прошел к дивану за бокалом с виски и миновал стеклянную перегородку.

Удивленно моргал, смотря на вход в кабинет. В дверях стояла Алиса. До этого он видел ее сквозь перегородку и думал, что она просто подключилась удаленно – и только сейчас понял, что она находится в его кабинете физически.

«Я тут на самом деле рядом живу, на Орджоникидзе. Решила зайти, раз такой случай…» – она махнула в сторону черного прямоугольника на стене.

«Эм, да-да, конечно.» – Александр на секунду растерялся. Она не только использовала настоящий образ для работы – так ее сетевой образ был точь-в-точь ее настоящим обликом.

Повисла неловкая пауза. Александр сглотнул.

«Покажите еще раз заключение на принудчика.»

Алиса сделала несколько жестов в воздухе, и слева от черного прямоугольника возникло изображение диаграмм, цифр, кривых линий разных цветов.

«Тут вся его личность», – она показывала пальцем на отдельные картинки. «Врожденные способности. А здесь – сетевая активность, стили общения, а здесь…»

«Может быть, из этого что-то подделкой?»

Алиса задумалась.

«Не вижу ничего такого, но я использовала стандартный инструментарий. Если симуляция… такого я бы не увидела.»

Она повернулась к Александру и посмотрела ему в глаза. Он ощутил что-то еще – что-то кроме профессионального интереса во взгляде этих красивых карих глаз. Невысокого роста, миловидная брюнетка в летнем платье бирюзового цвета…

«Она чертовски красива в живую», – подумал он, а вслух продолжил:

«Что у нас есть? Пациент без особенностей, лечение без особенностей. Но почему-то на него нельзя смотреть и почему-то оно длится в пять раз дольше и… Спасибо, что пришла.»

Вновь пауза. Он осекся.

«Пришли… Спасибо, что пришли… Тут явно что-то не так идет.»

Она улыбнулась.

«Давай на «ты»…»

Следующие полчаса они рассказывали друг другу о том, как и почему выбрали эту специальность, и находили много общего в своих историях. Александр высказывал шуточные гипотезы о затянувшемся лечении. Алиса смеялась. И оба ощущали себя легко – как будто и не было тех колкостей прежде.

И что-то еще…

Ее взгляд, задерживающийся на его губах чуть дольше положенного. Его как будто случайное прикосновение к ее плечу. Обоим было очевидно, что симпатия взаимна.

Тем временем за окном стемнело, улицы потихоньку пустели.

«Послушайте… то есть послушай…» – Александр сжал пальцы. «Я сейчас подумал… В общем, мы можем преодолеть судебный запрет.»

«Как это? Он же программный?» – лицо Алисы внезапно изменилось, и на мгновение Александру показалось, что она побледнела.

«Это моя клиника, и я тут единственный врач, и… как бы это сказать… В общем, у меня есть конкурентное преимущество. Видишь ли, когда я был студентом, мы с ребятами экспериментировали с модулями. Тогда все было проще – еще никто не знал ни о терактах, а Сланцевский технопарк, кажется, еще не запустился. Тогда мы в студенческом научном обществе соорудили свой модуль для нейровизуализации.»

«У тебя есть нелегальный модуль?!» – теперь бледность Алисы не вызывала сомнений.

«Нет. Не совсем. Мы сделали нейросеть, которую обучили распознавать сигналы, обрабатываемые модулями нейровизуализации. Ну, смотри: то, что обычно врачи видят на экране – «сны» – это же не на самом деле. Мы не можем заглянуть во внутренний мир, и мы не можем увидеть все те процессы, что происходят в головном мозгу. А даже если увидим, то все эти нейроны, синапсы, медиаторы – нам ничего не скажут. Те образы, что показывает монитор – это как бы упрощение и представление в удобном для нас виде чего-то много более сложного, что является нашей психикой.»

«Спасибо, у меня вообще-то есть образование», – Алиса построила игривую мину.

«То есть монитор показывает картинки, которые создает нейросеть, только ее обучили не на словах или других картинках, а на процессах головного мозга. Так вот, когда установлен блок, то активность все равно там есть. Блок он же блокирует что-то, а не просто как стена на месте стоит. Мы придумали использовать те сигналы, что порождает блокировка, чтобы превращать их в промпты для своей студенческой нейросети. В итоге получилось лучше, чем мы предполагали. Картинки, конечно, хуже качеством, примитивнее, но можно составить представление о том, что же именно показывает монитор.»

«Когда сопротивление пациента слишком велико или когда есть судебный запрет, то я использовал нашу студенческую нейросеть и все равно подглядывал в «сны» и, если надо, корректировал. Этим объясняется моя хорошая статистика… Пойдем, я покажу тебе.»

«Саша, может быть, не стоит этого делать?» – голос Алисы чуть дрогнул. «Ты мне нравишься, давай не будем начинать с криминала. Нас могут поймать.»

«А мы никому не скажем. Пойдем!»

Александр подошел к столу и вынул из него стеклянный прямоугольник. Посмотрел сквозь него, повернул, посмотрел на грань, перевернул. Прозрачное стекло в его руках стало матово-белым, затем вспыхнуло холодным светом.

«Пойдем!»

Александр зашел в палату, не оглядываясь на медленно бредущую за ним Алису. Ее лицо оставалось бледным, но чем ближе она приближалась к постели Алексея, тем более сосредоточенным становилось выражение ее лица.

Александр приложил светящийся прямоугольник ко лбу пациента.

«Работает медленно… Сейчас, сейчас…» – Александр был взволнован, как подросток, хвалящийся самодельной петардой.

Алиса смотрела на него исподлобья.

«Саш, может быть, не надо?» – ее голос был нежным и певучим.

«Сейчас-сейчас, увидишь, какая прикольная штука.» – Александр был полностью захвачен своей идеей.

Алиса положила руку ему на плечо:

«Александр Владимирович, прекратите!» – теперь ее голос отдавал железом.

Он оторвался от стекла и посмотрел ей в лицо.

От нежного, игривого взгляда не осталось и следа. Сейчас он видел перед собой взгляд волка. Волка, уже принявшего решение убить и выбирающего способ.

Он отшатнулся.

Его вдруг осенила страшная догадка.

Он вывел на стену монитор жизненных функций, увеличил и прокрутил до конца.

Там, в самом конце, таймер показывал время до окончания наркоза.

Минус 3 часа 46 минут.

– Как я мог упустить? – задумчиво произнёс он. – На такой срок же и не было рассчитано… Взгляд умных, проницательных глаз. Алиса продолжала рассматривать его молча. Александр взглянул на монитор жизненных функций ещё раз. Бледный, с открытым ртом, он крутил монитор из стороны в сторону, пытаясь найти отклонения, и не находил их.

– Пока ты заговаривала мне зубы, анестетик закончился. Он модулировался в ясном сознании. – Александра пробила дрожь. – Но это невозможно! Это же… Но как? – На его вопрос никто не ответил. И Александра поразила вторая догадка. Тогда, в начале дня, он думал, что в клинике было две проекции Алисы, и думал, что с пациентом говорила симуляция, а на самом деле симуляция говорила с ним, с пациентом же была настоящая, физическая Алиса. Сквозь множество прозрачных перегородок клиники отличить её физическую от проекции он не мог. Она заменила жвачку, подсунула других наноботов.

– Ты заменила ботов?
– Пойми, так надо.

Его взгляд из удивлённого медленно превращался в безумный. Глаза расширились, рот приоткрылся, пальцы распрямились. Александр посмотрел на Алексея.

– Как ты жив? Что ты такое?!

Алексей открыл глаза.

– Я не знаю, что я такое. – Голос Алексея выражал сожаление. – Видите ли, я существую только в виде программ для нейромодуляции, физического тела – своего тела у меня никогда не было. Может быть, я результат ошибки производства нанофабрик, хотя вряд ли; может быть, кто-то меня создал умышленно, что тоже вряд ли, не знаю. Знаю, что я хочу жить, и для этого мне нужно человеческое тело, и единственное, как я могу его получить, – это записать свою психику вместо психики предыдущего владельца.

– То есть убить?
– Убить? Хм, вопрос спорный. Тело остаётся, я об этом забочусь, остаются некоторые воспоминания, некоторые навыки.

– Да, конечно, случалось убивать. Тот эпизод в Сланцевском технопарке – я был младенцем, я не знал, на что я способен и как могу использовать то, что у меня есть. Я сожалею.
– Сожалею… Более трёхсот человек покончили с собой, и вы сожалеете? – Александр сделал шаг в сторону, его кулаки сжались.

– Да, я не очень понимал, что я делаю. Это как первый крик младенца. С тех пор прошло много времени, и теперь я убиваю только по необходимости. Других людей я лишь чуть-чуть изменяю, добавляю некоторые новые нужные мотивы и рефлексы. Чтобы они мне помогали. Корректирую воспоминания, если это необходимо. Конечно, иногда приходится заимствовать чьё-то тело, но что поделать? Да, я лишь колония нанороботов для программируемой модуляции, но… Выживает наиболее приспособленный. Разве я не прав?

– А Алиса?

– А что Алиса? С ней всё хорошо. У неё были проблемы с наркотиками, шесть лет назад она прошла нейромодуляцию.

– Она как ты?

– О, вовсе нет. Я скорректировал её: она избавилась от наркотиков, стала успешным психологом, учёным, подающим надежды. Но услуга за услугу. Бессознательно она находит тела для меня. – Алексей задумчиво вздохнул и посмотрел на Алису. – Последнее время она стала задумываться над созданием семьи. Уверен, у неё всё получится. Не волнуйся, помнить она будет только то, что нужно.

– Зомби…

– Нет, конечно, – Алексей плотоядно усмехнулся. – Мне больше нравится слово «помощник». У неё осталась и личность, и свобода воли – в том смысле, как это понимают обыватели, конечно. Просто добавился новый инстинкт – помогать мне. Вы – люди, ваша высшая нервная деятельность – среда, где я обитаю, ваша способность принимать решения бессознательно – моё конкурентное преимущество.

Сосредоточенный взгляд Алисы следил за каждым движением Алексея. Стеклянный планшет в его руках дважды моргнул, погас, загорелся снова.

– А судебный запрет? ИИ – не люди, ты не мог им мозги промыть!

– Этого я и не делал. – Алексей сел на постели. – Это подделка, просто картинка со словами, и если бы ты выбрал команду «пропустить», то… мне бы пришлось прибегнуть к плану «Б».

Равномерное сияние стекла в руках Александра стало угасать, цвет его стал меняться с белого на ржавый. Все трое посмотрели на планшет.

То, что он показывал, повергало в шок. Не было привычного белого фона, не было цветочков в горшочках. Пол и стены состояли из ржавых листов, из пола выступал параллелепипед такого же цвета коррозии – этакий стол для аутопсии в заброшенном морге. По сторонам от него на полу валялись отрезанные ступни и кисти. На столе – нечто. Мозг Александра не сразу смог осознать. Выглядело так, как будто чудовищный таксидермист выпотрошил Алексея и что-то, лишь отдалённо напоминающее человека, одевало на себя его изуродованный труп. Просунув конечности в остатки рук и ног, нечто пришивало к голове лицо Алексея. Лицо выражало боль и страдания, его глаза, полные ужаса, плавающими движениями искали что-то по сторонам, рот искривлён в немой мольбе.

Александр заорал со всей мочи. От ужаса и омерзения швырнул планшет в Алексея. С размаха ударил ногой в живот Алису, та согнулась пополам и упала на пол. Александр рывком перепрыгнул её и рванулся бежать.

Коридор. Мимо проносятся двери пустых палат. Туда, дальше, по коридору до лестницы, три пролёта и спасительный выход. Александр бежал, не оглядываясь, и продолжал кричать. Глаза вылезли из орбит, лицо было бледным от ужаса. Лестница. Бегом, через ступеньку, быстрее. Ещё быстрее. Один пролёт, второй, третий. Холл.

Александр выбежал в холл и как вкопанный остановился в метре от спасительной стеклянной двери. За ней полукругом стояли пятеро активистов. Стояли спокойно, молча. В центре полукруга, сразу за дверью, стоял полицейский. Все шестеро взглядом Алисы смотрели в глаза Александра.

Полицейский стоял сразу за дверью и правой рукой сжимал ручку дверного замка. Замок был закрыт, а полицейский то надавливал на ручку, то поднимал её, как будто проверяя, закрыта ли она надёжно. С каждым его движением замок издавал характерный щелчок.

Щелк. Полицейский смотрит в глаза Александру.
Щелк. Александр замечает в стекле отражение платья цвета оло.
Щелк. Александр оборачивается, и Алиса, размахнувшись, по дуге бьёт его стеклянным планшетом в висок.

Острый угол планшета с чавканьем пробивает кости черепа, впивается в мозг, ломает наружную стенку глазницы. Глаз деформируется, выпадает вперёд и влево. Зрение Александра раздваивается.

Последние мгновения своей жизни Александр видел перед собой двух Алис. Продолжая движение планшета, Александр падает. Струя алой крови полукругом перечеркивает силуэт полицейского за стеклом.

– Сука!

Новость об убийстве психологом коллеги-психиатра, совершённом в целях самообороны, быстро облетела сеть. Широкая общественность и профессиональное сообщество были шокированы. Информационная сфера быстро изобразила врача бесчеловечным маньяком, попытавшимся заманить и изнасиловать молодую женщину под влиянием алкоголя. Этому способствовали утёкшие в сеть показания свидетелей и уровень алкоголя в крови убитого.

Свидетели – пять прихожан местной церкви и полицейский, случайно задержавшийся после дежурства, – рассказали, что их внимание привлекли звуки борьбы и звон разбитого планшета в холле клиники. Камеры наружного наблюдения засняли момент, когда все шестеро, не сговариваясь, разом пошли к двери. Те же камеры засняли то, как сотрудник полиции проверяет дверь, а затем разбивает её. Камер в самой клинике не было, а свидетели утверждали, что слышали крики о помощи в тот самый момент.

Вина врача подтверждалась и повреждениями на теле жертвы – ударом в живот и обширной гематомой. Посмертная психиатрическая экспертиза дала противоречивые результаты, но это легко объяснялось повреждениями дорсолатеральной префронтальной коры. Удар стеклянным планшетом вызвал массивное кровоизлияние именно в этой области.

Исследовать мотивы убитого перед его смертью оказалось невозможно. В то же время активность и последние прижизненные действия нанороботов в его головном мозгу прямо указывали на сексуальное возбуждение за некоторое время до смерти.

Назначенная судом нейровизуализация памяти жертвы неудавшегося насильника не обнаружила какой-либо лжи в её словах. Она искренне помнила всё. И то, как врач под предлогом изучения необычного пациента заманил её в клинику, и как предлагал ей вступить в связь, и как избил после отказа.

Ещё до завершения рассмотрения дела в суде третьего уровня Алиса получила предложение возглавить одну из лабораторий ИИ им. Бехтерева. На суде четвёртого уровня обвинение не настаивало.

На выходе из зала суда её встречал возлюбленный, недавно сам прошедший нейромодуляцию и благодаря этому получивший специальность врача-психиатра – Алексей, последний пациент клиники «Новая Жизнь».

Глава 2. Нереализованный проект

Холодный бетонный пол – от такого после долгой ходьбы болят ноги. Тут и там в лужах солёной воды валялись осколки камней, застывшие уродливые комки цемента. Ступать нужно было очень осторожно. Расслабишься, поверишь шероховатости бетона – и сразу налетишь на такой. Евгений не сразу приспособился идти, едва поднимая ноги и приподнимая пальцы, чтобы не наступить на острый осколок с размаху.

Воздух пропитан запахом соли и гнили. Влажно, одежда давно превратилась в мокрые тряпки, облепила кожу и неприятно терла, от чего идти становилось ещё тяжелее.

В зале светло. Квадратный проём в центре потолка был ничем не закрыт, и сквозь него струился яркий солнечный свет. Этот свет казался белым и неживым. Окно в крыше – солнечный свет, заливающий помещение. И никаких других источников света. Евгений хорошо помнил солнечный свет. Тёплые лучи июльского солнца на пляже, куда его водила мама, когда он был ребёнком. Сейчас он убеждал себя, что видит солнечный свет, слишком уж неестественно бледным и холодным он был.

Он подошёл к центру зала и посмотрел в проём в потолке. Этот проём был явно спланирован и задуман как окно – слишком ровными были его стенки, такое не может получиться в результате обрушения. Но достать до него было невозможно. Высота потолка – не менее четырёх метров, и нет ничего, за что можно было бы ухватиться. Присмотревшись, он понял, что зал имеет форму прямоугольника с двумя выходами друг напротив друга. Вход, через который Евгений попал в зал, был освещён куда хуже, чем проём напротив.

«Как будто они хотят, чтобы я шёл туда» – промелькнуло в голове. «Не сходи с ума, спокойно, мы осторожно во всём разберёмся» – начал он уговаривать себя мысленно. По телу пробежала дрожь – он вновь пытался вспомнить, как здесь оказался.

Много часов – сколько именно, он не знал – ему понадобилось, чтобы попасть в этот бетонный зал. Пришёл в себя в полной темноте. Много часов сидел на месте и звал на помощь, но никто не ответил. Затем на ощупь он попробовал обследовать помещение, где очнулся. Там не было ни окон, ни выступов. Сперва он решил, что находится на стройке. Где ещё может быть столько бетона? Отсутствие окон и единственный дверной проём для себя он объяснил тем, что это будущий туалет или ванная комната. Однако в следующем за ним помещении так же не оказалось ни окон, ни других проёмов, выступов или конструкций. Только вход и выход. Сырость и абсолютная тьма. И снова помещения из бетона и снова без окон. Комнаты сменяли друг друга, они отличались формой – и только. Все они имели один вход и один выход. Иногда между ними были ступеньки. Буквально три-четыре – и всякий раз они вели вверх. Потеряв счёт пройденным залам и коридорам, Евгений очутился в помещении с двумя выходами. И было в этом помещении что-то ещё. Шум, похожий на шум далёкого водопада. Евгений принял решение, что будет пробираться в направлении шума.

Много часов спустя, когда стопы уже невыносимо болели, когда начала мучить жажда, а промокшая от влажности одежда стала превращаться в лохмотья от периодических столкновений с бетонными стенами, он попробовал пить воду, которая тут и там скапливалась в небольших лужах. Вода неприятно пахла и оказалась солёной.

Залы, комнаты и комнаток было так много, что, когда он стал разбирать очертания проёмов, то не поверил глазам. Где-то там впереди был свет. Евгений пошёл быстрее и с размаху налетел на застывшую бетонную лепёшку, как будто кто-то вылил полведра раствора, и он теперь застыл бесформенной кучей. Левая нога отекла, и каждый шаг стал отзываться болью.

Спустя несколько часов он стал хорошо различать следы опалубки на бетонных стенах. Все это строилось по какому-то плану, у всех этих конструкций была какая-то цель. Промелькнула мысль: «И всё это бросили». Шум становился громче, свет становился ярче – и вот Евгений вышел в прямоугольный зал с окном в потолке.

Ясное безоблачное небо казалось куском голубого пластика. Ни лестницы, ни выступа, ни верёвки. Евгений сел на бетонный пол, обхватил колени руками и заплакал. Его тень вздрагивала в такт его всхлипываниям. Слёз не было – все их забрала мучительная жажда. Живот болел от голода. Большой палец на левой стопе горел огнём. Силы его покинули.

Проснувшись, он обнаружил себя лежащим на боку в позе эмбриона. Несколько долгих мгновений убеждал себя, что всё это лишь дурной сон, но собственные органы чувств говорили об обратном. Осмотрелся по сторонам. Всё тот же прямоугольный зал, всё те же вход и выход, всё тот же проём в потолке. Тени не изменились, но ощущение было такое, что проспал он несколько часов. «Либо я проспал несколько секунд, либо я проспал ровно сутки», – подумал он и стал подниматься. Сморщился, опираясь на левую ногу, осмотрел её – отёк стал болезненно-лиловым. «Похоже, всё-таки сломал», – прошептал он, морщась от тупой боли. И в это мгновение он услышал:

– Женя! – протяжный крик издалека.

Евгений застыл, поражённый, рассматривая выход из зала. Крик доносился, казалось, откуда-то сверху. От него мурашки бежали по коже. Крик был детский.

Он направился в сторону выхода. Конечности затекли, спина болела. Сразу за проёмом была лестница. Евгений остановился, нерешительно оглядел её. Лестница была металлической, ржавой, изъеденной солёной водой. Бросил быстрый взгляд на израненную ногу и стал подниматься, опираясь на стену. Лестничный пролёт был не освещён, но за ним виднелся проход, где явно брезжил мёртвый солнечный свет. Металл отдавался гулом при каждом его шаге. Дойдя до конца, он понял, что шум водопада стал сильнее. Он поднялся наверх и увидел зал точь-в-точь как тот, где он забылся мучительным сном. Тот же прямоугольник бетона, тот же проём в потолке. На мгновение его объял ужас, померещилось, что это искривилось само пространство, что он поднимался из зала с проёмом и попал в него же, но снизу. Но нет – луж было больше, а из проёма в потолке капала вода. Было похоже, что капала она очень много времени, подточив кромки проёма. Вокруг небольшой промоины распространялись чёрные болезненные пятна.

Он медленно ковылял к выходу из зала. Плеск воды под ногами. Боль в правой стопе – он вскрикнул и повалился в вонючую лужу. Схватился за ногу. Осколок чего-то острого впился в подошву, к счастью, вошёл неглубоко. Проклиная всё на свете, он вытащил его из раны и сжал пальцами. Осколок хрустнул и разломился. Евгений отбросил его в сторону.

– Женя, помоги мне! – тот же протяжный детский крик.

Он замер, смотря на проём. Крик доносился сверху.

Встал на четвереньки и только сейчас рассмотрел, на что же он наступил. На полу в луже грязной солёной воды лежали кости. «Человеческие», – произнёс он на выдохе. Остатки скелета лежали так, как будто его хозяин полз к выходу.

– Ну уж нет, суки, – в нём закипала злоба, – меня так не возьмёшь.

И снова лестница, и снова зал, освещённый сверху. Теперь путь напоминал восхождение на вершину. Лестницы становились всё выше, появлялись залы с двумя и тремя проёмами в потолке. Человеческие кости встречались чаще. Теперь нередко ему приходилось откидывать их со ступенек. Этаж, ещё этаж. Он пытался считать их, но сбился и продолжал брести вверх. Воздух стал невыносимым. Теперь в нём явственно различались взвешенные капли воды, которые постоянно мерцали в лучах бледного солнца. Шум становился сильнее с каждым новым этажом. Теперь он стал настолько громким, что казалось, заглушал и собственные мысли, и боль.

И детский крик о помощи. Жуткий, неестественно громкий. Евгений не сразу это понял. Но если бы это кричал ребёнок, его крик давно было бы не слышно из-за шума падающей воды, а он слышал его отчётливо. Евгений поднялся в следующий зал. Пол был усеян костями. Шум водопада оглушал. В зале было непривычно темно. Присмотревшись, он понял, что проём в потолке завален досками. Выход из зала был тёмным. Пройдя через него, он не обнаружил лестницы. Тёмный коридор с ненавистными бетонными стенами и чернота впереди.

– Женя, помоги мне! – жуткий зов донёсся откуда-то из коридора.

Упав на колени, Евгений пополз вперёд на четвереньках. Тут и там отбрасывая кости, он медленно, пошатываясь, двигался вперёд в темноту. Оценить расстояние, вновь погрузившись в темноту, не представлялось возможным. Пол был покрыт водой. Шум водопада оглушал. Евгений обернулся – за ним, там вдалеке, брезжил свет. Возвращаться было бессмысленно. Он вновь повернул вперёд и теперь различал только яркое прямоугольное пятно в центре поля зрения – уродливый отпечаток света из зала. Сделал несколько шагов и ударился лицом о бетонную стену. Тупик.

– Суки! – Евгений попытался встать и с размаху врезался головой во что-то металлическое. Застонал, схватился за голову, затем нашарил в темноте стальную перекладину лестницы. Ухватился двумя руками, начал подтягиваться, ещё и ещё, ухватился за следующую ступень. Выше, подтянуться, перехватить, вновь подтянуться. Откуда-то сверху падали капли воды. Такой же мерзкой, как вода в лужах. Ещё рывок – теперь Евгений смог поставить ноги на нижнюю перекладину и отдышаться.

Подъём давался тяжело. Не хватало дыхания, тело ныло при каждом движении, голова кружилась. Внизу, если напрячь зрение, можно было различить тусклый квадрат – слабо освещённый коридор, с которого начиналась лестница. Шум водопада становился всё громче. Впереди только тьма.

Подтягиваясь на очередной ступеньке, Евгений вывернул руку, попытался перехватиться – ослабшая кисть подвела, и он едва не сорвался вниз. Проскользил на полметра, замер. Упасть вниз – означало остаться здесь навсегда.

Подтянуться, перехватить, вновь подтянуться. Дальше, выше. Несколько раз в темноте он задевал пальцами левой ноги перекладины, и тогда, морщась от боли, давал себе передышку.

Потянувшись за очередной перекладиной, рука упёрлась во что-то шершавое. Он стал судорожно ощупывать. Ржавый стальной лист. Попробовал толкнуть его рукой – не поддаётся. Ещё раз – безрезультатно. Подняв ноги на перекладину выше, обхватил локтями лестницу и попробовал толкать двумя руками. Лист едва сдвинулся, издавая протяжный скрип металла о бетон. Поднялся ещё на одну перекладину, нащупал края проёма, упёрся спиной и…

Люк медленно сдвинулся.

Ещё раз, ещё и ещё. Каждый раз, сдвигая проклятый люк на пару сантиметров.

В щель между люком и краем проёма ударил яркий солнечный свет. Евгений схватился за край и начал тянуть изо всех сил. Солнечные лучи обожгли глаза, привыкшие к темноте. Голову заволокло туманом. Евгений на мгновение остановился, пытаясь вернуть себе зрение. Закричал, что было сил, навалился на люк и наконец сдвинул его в сторону. Поднялся наверх и рухнул на влажную тёплую бетонную поверхность. Руками шарил по телу. Спина неимоверно болела, обе ноги изранены, похоже, он вывихнул кисть.

Над ним в зените светило солнце. Оно было каким-то странным, неестественным – казалось, меньше обычного, и свет был слишком белым. Небо – без единого пятнышка, огромное и неуловимо неестественно синее. Рёв водопада оглушал. Теперь он был со всех сторон и настолько сильным, что от него, казалось, вибрировало всё тело.

Евгений перевернулся на живот, встал на четвереньки. Его взгляд упёрся в бетонное основание, такое же, как пол и стены всех тех бесчисленных залов внизу. Он встал на колени и огляделся. По коже бежали мурашки. Евгений стоял в центре круглой площади диаметром не меньше сотни метров, окружённой бетонными стенами. Прямо перед ним в бетонном кольце был разрыв. Две вертикальные плоскости прорезали кольцо, оставив проём.

За проёмом он увидел водопад.

Такого водопада существовать не могло.

Как будто неведомый титан острым ножом разрезал океан до горизонта. Евгений понял, что находится посреди океана, который неведомой силой был разделён пополам. Гигантская щель шириной не менее полукилометра. Стены её – вертикально падающие вниз воды океана. Неестественно математически правильный этот разлом казался плодом компьютерной графики. От этой картины кровь стыла в жилах. Дна не было видно. Воды падали куда-то в темноту, там вдали, внизу. Площадь, а скорее платформа, на которой он стоял, едва возвышалась над уровнем моря и была расположена прямо посередине разлома. На чём она держалась, тянулся ли её постамент со дна впадины или был вмонтирован в стену – видно не было.

– Много воды утекло, – услышал он спокойный детский голос. Похолодел – в рёве дьявольского водопада человеческую речь не разобрать, а этот голос был слышен хорошо и был точно предназначен ему.

Евгений обернулся.

За пределами бетонного кольца, возвышаясь на несколько десятков метров, иглой в небо уходил бетонный обелиск. Его вершина была скошена, как будто срезана ножом, отчего он напоминал старую зазубренную стамеску. В центре круглой площади, окружённая бетонными стенами, золотыми отблесками сияло нечто. Нечто неподвижное, нечто красивое и чужеродное для этого уродливого места.

Не обращая внимания на боль, Евгений встал и побрёл к сиянию.

– Слишком много погибло, слишком много воды утекло, – казалось, мальчишеский голос доносился из пространства вокруг сияющей фигуры.

Евгения трясло, он, молча, шаг за шагом брёл в его сторону.

– Память… Мы должны помнить зачем! – сияние повысило голос.

– Что?! Что помнить?! Что я должен понять? Что здесь, чёрт возьми, происходит?! – закричал Евгений, ковыляя к сиянию.

– Прости, по-другому было никак. Ты поймёшь, ты будешь помнить, ты сможешь всё увидеть…

Евгений приблизился на несколько метров к сиянию. Это было не сияние вовсе. Отблески солнечного света, отражённые от покрытой золотом скульптуры. Не более метра в высоту, мальчик лет пяти или шести, руки согнуты в локтях, локти слегка заведены за спину, голова чуть наклонена в сторону, спокойный, немного удивлённый взгляд направлен в проём бетонного кольца.

– Заверши проект!

Евгений из последних сил шагал к статуе, запнулся, упал у её ног. Протянул руку и за миг до прикосновения различил грубую надпись, вдавленную в небольшой круглый постамент, вмонтированный вровень с полом: «1975».

Евгений открыл глаза. Боли не было, немного затекла спина, но и только. Он лежал на кровати в комнате со стенами из белого матового стекла. Свет струился, казалось, со всей поверхности потолка. Он отлично себя чувствовал. Руки и ноги были привязаны к кровати.

– Он пришёл в себя. Тихо, идите сюда, – услышал он взволнованный женский голос откуда-то сзади, повернул голову, но женщина исчезла раньше, чем он успел рассмотреть.

В матовом стекле больничной палаты нарисовался прямоугольник двери, она беззвучно открылась внутрь и стала прозрачной. Прямо за дверью стояла девушка. Евгений смотрел на неё сбоку и не мог разобрать, что написано на виртуальном бейдже.

«Руководитель группы…», «Али…» – то ли Алиса, то ли Алина – прочитать он не успел.

– Всё хорошо, вы в безопасности.

– Где я?

– Клиника Северо-Западного ИИ имени Бехтерева… – Она не договорила, Евгений оборвал её.

– Что я тут делаю? – Он пытался её рассмотреть, но зрение отказывалось фокусироваться на чём-то.

– Всё хорошо, вы в безопасности. Вам оказывают помощь.

– Помощь? А я просил помощи? – Он запнулся, воспоминания вдруг хлынули на него потоком.

Воспоминания о разводе с женой, алкоголе, бедности после потери работы, воспоминания о том, как бывшие друзья и коллеги прячут глаза, как им неприятно смотреть на опустившегося человека, воспоминания об одиночестве, о тоске, тяжёлом камне, давящем на грудь, о днях, похожих один на другой, полных небытия и слабости и мыслей…

Поход к врачу, белые стены, девушка-психолог и серая пастилка жвачки с нанороботами.

«Нейромодуляция – безопасный и эффективный метод изменить жизнь. Изменись к лучшему!» – и фотографии счастливых людей посреди лугов или гор, или ещё каких-то открыточных видов, с открытыми ртами, смотрящими куда-то в пустоту бессмысленными счастливыми глазами, расправляющими руки на манер того, как дети представляют себя пилотами космолётов. Цветастые рекламные буклеты.

– Промывание мозгов пошло не по плану? – Его голос был спокоен, он констатировал очевидный факт. – Я же был на Матвеева, как я оказался в Бехтерева?

Девушка-психолог слегка сжала губы, её глаза выдавали искреннюю боль и сочувствие, казалось, что ей стоит немалых усилий сохранять профессионализм.

– Произошёл теракт. – Она сделала паузу. – Вроде бы «Ницшеанский Мост» взяли на себя ответственность. Они каким-то образом взломали программы для нейромодуляции. – Вновь пауза, плохо скрытый вздох. – Мы до сих пор не знаем точное число пострадавших. Штаб по оказанию помощи организован ИИ им. Бехтерева, поэтому вас доставили сюда. Всё время, что их перепрограммированные наноботы были в вашем мозгу, врачам не удавалась нейровизуализация, мы не могли видеть, что они… – она замолчала на полуслове.

– Что они делали со мной?

Она помолчала.

– Да.

Откуда-то из глубины всплывали похожие на сон воспоминания о бетонных казематах, разбросанных человеческих костях, о золотой скульптуре мальчика.

– Я помню.

– Расскажете? – Её изображение в стекле протянуло к нему открытую ладонь – жест, заменивший объятия в мире, где реальность и компьютерные иллюзии были неразличимы. – Простите, я не представилась. Меня зовут Алиса, я медицинский психолог. Руководитель лаборатории кризисной нейропсихологии.

– Не хочу.

Повисла пауза.

– Пусть так, но мы можем избавить вас от всего этого – и тени не останется. Вы обратились за помощью на Матвеева и… Давайте завершим уже начатое и всё сделаем разом? Ваша подпись – вот здесь.

Перед взором Евгения в пространстве появился бланк согласия на медицинское вмешательство, испещрённый мелкими буквами и сносками. Он смахнул его в сторону, не читая.

– Вязки убери, ну ты что, – донеслась до него шёпотом сказанная психологом фраза.

– Что?

– Я не вам. – Тем не менее ремни на его руках и ногах ослабли, стали мягкими, тягучими, заструились по коже и бесследно исчезли где-то в кровати.

– Спасибо, но нет. Один раз я уже согласился на промывание мозгов и как-то не очень.

– То, что с вами было, то, что они сделали – это неправильно, это бесчеловечно, но мы можем это преодолеть. Позвольте нам…

– Нет! Убирайся! – Евгений скорчился на постели.

Психолог исчезла, Евгений остался один. Он знал, что здесь нет камер, их запрещено размещать в медицинских учреждениях, но за ним присматривали, знали о его положении в пространстве, позе, пульсе, уровнях нейромедиаторов в мозгу, если, конечно, трансгуманисты не выжгли всех наноботов в его теле. Он ощущал себя раздавленным, маленьким и жалким, и в то же время в нём крепло ощущение, что он должен помнить ту площадь, бетонный обелиск и мальчика.

– Много воды утекло, – сказал он вслух, перевернулся на спину и подумал, что почему-то эти слова важны, почему-то ему ещё нужно, нет, можно что-то исправить, но что именно – он не мог вспомнить. – Увидеть… – протянул он снова вслух и сел на постели.

– Кто меня слушает сейчас, я могу прогуляться?

В палату вошла медсестра. Мелкие угловатые движения её губ, старательный взгляд куда-то в сторону, вздох – говорили о тревоге, её что-то беспокоило, и она старалась скрыть это.

Евгений обнаружил, что может прекрасно сконцентрироваться даже на мельчайших её движениях и интонациях, видеть их все и сразу. «Наверное, быстро восстанавливаюсь», – подумал он.

– Ах, да, конечно, я помогу вам. – Постель пришла в движение, мягко превращаясь в кресло, стало вращаться вокруг вертикальной оси и плавно двигаться к выходу.

– Спасибо, но я могу сам. – И, задумавшись, добавил: – Мне хочется.

Медицинские сёстры хоть и сохранили за собой традиционное наименование, но давно не занимались помощью. Они обслуживали, чинили, настраивали бесчисленных нано-, микро- и просто роботов, систем, медицинских экосистем, и её визит в палату означал, что из-за него на ушах стоят все, может быть, даже сам ИИ.

Крупные учреждения, предприятия или даже отрасли строились вокруг Искусственных Интеллектов. Сами ИИ, их аппаратная часть вовсе не обязана была быть частью здания или предприятия или, например, судебной инстанции – они стали намного больше, намного сложнее, чем то, чем были люди, обслуживающие их. Сейчас нанимателем и руководителем большинства людей были вовсе не другие люди. Вопреки разнообразным страхам и предубеждениям, ИИ не заменили людей, они не стали художниками, инженерами, врачами, но они полностью заменили общественные институты, а мелочь вроде придумывания новых идей оставили людям.

Нет нужды более беспокоиться о взятках – ИИ не может их хотеть. Нет нужды детально прорабатывать новый продукт – ИИ сделает это за тебя. Нет нужды в справедливости – ИИ, обученный на миллиардах и миллиардах юридических документов, прецедентов, людских судебных ошибках, примет верное решение. И в этом ему помогут ИИ-обвинители и ИИ-адвокаты, натасканные на твёрдые этические нормы.

Сейчас люди представлялись мелкими муравьями, которые копошились, жили и умирали, обслуживая королеву – неразумную, непознаваемую. Не было никого, кто бы в точности знал, как это всё работает на самом деле.

Отношения между людьми изменились. В эпоху, когда виртуальность окружает тебя, сложно оставаться просто человеком: ты можешь быть одновременно в двух местах, и люди вокруг тебя не смогут отличить, где ты, а где твой фантом. О, фантом, или сетевой аватар, как он именовался официально, мог быть тобой идеальным, мог искренне радоваться, когда грустно, мог быть общителен, даже если ты боишься людей. В моду вошли виртуальные романы, когда люди влюблялись, общались, даже жили вместе, но не встречаясь физически, видели друг друга только в виде проекций – идеальных, совершенных иллюзий. А если ты устал от толпы, если устал от общительных, вечно счастливых, одинаково умных, штампованно интересных людей, то всегда можно было включить режим недоступности. Перестать видеть всех, перестать реагировать на них всех. Необходимые действия вроде дежурной улыбки соседям за тебя совершат наноботы, которыми были пропитаны тела. Они активируют нужные нейроны в нужный момент, они же выключат всё нежелательное из восприятия. Тело будет идти через толпу и не столкнётся ни с кем, крошечные машины всё сделают за тебя самого, выберут нужную траекторию, мягко подвинутся в сторону, обходя препятствие. Помнить об этом ты не будешь. Помнить ни о чём уже и не надо.

Конечно, были те, кто не принял изменений. Религиозные фанатики, гуманистические фундаменталисты и прочие отщепенцы. Были и те, кто видел в слиянии человека и наномашин будущее, для кого модернизация тела и психики стала чем-то вроде следующего витка эволю-

ции. Они были убеждены, что в этом путь развития, что именно это является необходимым условием для расселения человечества по Солнечной системе и дальнему космосу. Именно с целью принудить общество к слиянию с наномашинами они устраивали теракты. По крайней мере, так говорила пресса.

Евгений прокручивал все это в голове, бредя к прогулочному дворику. Он вышел на просторный балкон. Впереди перед ним до самого горизонта расстилался лес. Ели, гигантские секвойи, тут и там пролетали стайки птиц – казалось, все наполнено спокойствием и уверенностью. Однако редкие блики на неразличимой поверхности где-то в паре метров за перилами балкона говорили, что лес этот – иллюзия, искусственно сымитированная, мало отличимая от реальности, но иллюзия. Евгений знал, что возьми и брось он камень в этот лес – камень врежется во что-то невидимое и упадет вниз, а имитация балкона и перил нужна лишь, чтобы никто из пациентов не ударился о дорогие экраны лбом.

Стало тошно.

Он развернулся и зашагал обратно. Проходя по коридору, до него донеслись обрывки разговора.

Вначале мужской размеренный голос:

– Нет, пробиться мы не смогли, все, что у нас есть – это гипотезы. Мы видели цепочки наноботов, соединивших дорсолатеральное поле правой лобной доли, верхнюю теменную дольку слева и миндалевидное тело. Транзиентные волны в глубоких отделах височных долей в начале и активация префронтальной… В общем, это достаточно часто используется, чтобы мистическим опытом замаскировать модуляцию, но…

– Алексей Сергеевич, что именно не так? – перебил первого говорившего другой мужской голос.

– Дорсолатеральное поле… Оно все ещё активно, и активность аномальна была даже после пробуждения. Как будто они вложили ему какие-то знания – вот что меня беспокоит. – Голос замолк, а затем продолжил: – У нас нет оснований его держать, мы должны…

– Подожди, я еще могу… – а это был голос девушки-психолога.

– Нет, согласия не получено, мы должны его отпустить.

Пауза.

– Отпускайте.

Вновь пауза, и первый мужчина и девушка-психолог продолжили спор шепотом.

– Ну чего ты, я могла…

– А зачем нам это надо? Ты видишь, кто им интересуется? Вот давай подальше от них держаться… Черт, они изымают данные… Да как так? Вот о чем я говорю, вот видишь? Никакого Евгения у нас не было теперь. Ага, не хочешь еще на ИИГБ поработать?

Евгению стало жутко – обсуждали его.

– Мы должны были ему помочь.

– Не судьба.

– Ты не захотел, и он уйдет, и черт знает что вообще… И что мне это ГБ? Мы делаем свою работу.

– Мы не будем рисковать. Черт, это даже не люди.

Евгений не стал слушать дальше. Он направился к выходу, и никто не собирался его останавливать.

На улице, озираясь по сторонам, он быстро зашагал к метро. К Елизаровской он подходил почти бегом. Он ощущал себя совершенно другим. Ему хотелось смешаться с толпой, но он не мог. Постоянно натыкался на людей. Их лица выражали недоумение, их глаза смотрели куда-то сквозь него. Он хмурился, удивлялся и начал постепенно успокаиваться.

Теперь, на станции, он шел, как будто глядя на все сверху. Сам обходил людей, чьи траектории пересекались с его. Поворачивал голову и всматривался в лица. Спокойные, веселые, грустные – все разные и все равнодушные к нему. Ему казалось, что раньше он не замечал, скольких различных эмоций в людях. «Что я должен увидеть? Что я должен понять, черт?» – думал он, стараясь вспомнить подробности своей нейромодуляции: «Люди, люди, куда-то спешат, о чем-то думают…»

Все эти чувства врывались в его сознание, и ему стало казаться, что он может сопереживать им, что ему легко можно почувствовать то, что чувствует человек рядом, как будто его и этих людей на мгновение соединял незримый информационный канал. Все яркое и все поверхностное.

В вагоне кто-то грустил, кто-то смеялся, кто-то боялся чего-то, кто-то яростно ненавидел – и все это происходило сразу и прямо сейчас. И каждый был сам по себе, как отдаленные друг от друга галактики, каждая окруженная своим горизонтом событий, каждая прекрасная, сложная, яркая. И каждая безжизненная.

В переходе между станциями ему стало больно. Он перестал думать о том, куда он едет и зачем, и тело само вело его куда-то. Следующий поезд, вновь люди, вновь разные чувства и эмоции. Вот пара, стоит в обнимку, и каждый счастлив, но счастлив чему-то своему, а общего нет. Компания друзей, вчерашних студентов: один из них завидует другим, второй упивается собой, а третий присутствует с ними сетевым аватаром – ему было скучно идти человеком.

– Я это должен видеть?! – Несколько человек обернулись на него, кто-то отошел в сторону. Спохватившись, Евгений посмотрел на видимый только ему монитор социального рейтинга и, убедившись, что не снизил его еще ниже, чем он был, вновь погрузился в раздумья.

Так и не вспомнил потом, как оказался вновь на улице. Он просто рассматривал людей. Все куда-то шли, все по своим делам, непрерывное броуновское движение.

Он остановился. Впереди была огромная площадь. «Забыл, что значит быть человеком!» – и уже вслух: – Мы все забыли!!!

Прямо перед ним на десятки метров возвышался обелиск, сложенный из блоков. Его вершина была скошена, как будто срезана ножом, от чего он напоминал зазубренную гранитную стамеску. Перед ним – гранитное кольцо.

Понимание и весь ужас знания обрушился на него в одно мгновение.

Никакого мальчика в кольце не было.

– Мы забыли, зачем нам быть людьми!!! – Евгений упал на колени и заплакал.

Толпа людей вокруг, до этого двигавшаяся хаотично, внезапно образовала круг. Как будто он был окружен невидимым полем. Человек шел, чуть сбавлял скорость у невидимой границы и вдруг решал, что ему нужно пойти чуть в сторону. Ни реальные люди, ни сетевые аватары, ни люди в режиме недоступности не приближались к нему.

В круг вошел среднего роста мужчина в сером деловом костюме. Русые волосы средней длины, серые глаза, средние незапоминающиеся черты лица.

– И все же, Евгений, вам нужна помощь. Пойдемте со мной. – Его голос был ровный и выражал какое-то слишком профессиональное сочувствие. – Пойдемте, все будет хорошо. – Его губы сложились в едва заметную улыбку, он протянул руку.

Евгений стоял на коленях, закрыв лицо ладонями, и молчал без движения.

– Ну, значит, по-другому. Воля ваша…

Общественность негодовала. Терактов такого масштаба и такой жестокости ранее не было. Сотни людей по всему миру были экстренно доставлены в госпитали. Кто-то из пострадавших впал в кататонию, кто-то, несмотря на все усилия врачей, погрузился в особое сновидное помрачение сознания и остался в нем навсегда, большинство погибло в первые сутки от отека мозга, развившегося вследствие несовместимой с жизнью абляции префронтальной коры. Несколько пострадавших покончили с собой.

Общественный накал подпитывали слухи о единственном выжившем, который внезапно исчез. Масло в огонь подливала завирусившаяся в сети видеозапись, сделанная настоятелем церкви Святого Кондратия, на которой некий мужчина падал на колени у площади Победы в Санкт-Петербурге. Запись была сделана на антикварную цифровую камеру и была крайне низкого качества.

В конечном счете расследование было передано центральному ИИ госбезопасности. Открытость расследования не вызывала сомнений. Были выявлены десятки ошибок в алгоритмах искусственных интеллектов СМИ, которые в критических условиях посчитали одного из пострадавших дважды. Впрочем, ответственность за это никто не понес: данных о терактах такого масштаба ранее не было, и придумать алгоритмы для обучения нейросетей для таких ситуаций заранее было невозможно.

Камера, на которую была сделана запись, имела многочисленные фильтры и программные модули, исказившие запись. Что под присягой подтвердили десятки экспертов, чья репутация не вызывала сомнений. Делались предположения, что фигура человека на записи – не более чем парейдолия, случайная флуктуация света и теней, создающая лишь иллюзию мужской фигуры. И единственная ее особенность заключается в том, что эту иллюзию различают не только люди, но и искусственные интеллекты. Главным же аргументом было то, что человек, якобы запечатленный на той злополучной записи, нигде и никогда не существовал.

Публичное расследование это показало совершенно точно.

Глава 3. Осколок

– Ублюдки, – Артём жмурился от яркого сентябрьского солнца, ударившего в глаза. Там, за окном, два байкера хохотали и, пошатываясь, шли в конец улицы.

– Отрепье, – произнёс он вслух, чуть с меньшей ненавистью. Оконные стёкла среагировали на его появление и уже сократили поток солнечного света до комфортного уровня. Мысленно заказал себе завтрак с лишней чашкой кофе. Сперва кофе, затем завтрак и снова кофе. Голова раскалывалась от похмелья.

– Хотя чем я лучше? Такое же отрепье, только рубашка подороже.

Окна его весьма дорогой квартиры выходили на Московский проспект и смотрели прямо в створ улицы Типанова. «Элитное жильё – признак успеха», – думал он, подписывая контракт на покупку. Надеялся, что это скрасит муки совести. «Если уж мучиться, то почему бы не мучиться с комфортом?» – думал он, отдавая за квартиру сумму большую, чем большинство может заработать за всю жизнь.

Его старая квартира ему нравилась: она была уютной, хоть и располагалась в пулковских трущобах. Однако его раздражало соседство со штаб-квартирой какого-то мотоклуба, члены которого постоянно шумели, дрались и пугали прохожих, носились на мотоциклах по дворам. Артём искренне возмущался, почему всё это отрепье до сих пор не на принудительной нейромодуляции. Тем не менее полиция не торопилась принимать к ним каких-либо мер, а общественность реагировала на выходки байкеров вяло.

В конечном счёте Артём переехал. По стечению обстоятельств клуб переехал за ним. Круг замкнулся, поделать что-то было нельзя. Со временем он начал даже разбираться в байкерах и их мотоциклах.

Они называли себя «Люди Шоссе». Их символикой – «цветами», как они говорили, – был вышитый на спине многогранник красного цвета, сплошь состоящий из треугольников, чьи контуры были выведены чёрным снаружи и белым внутри. Эмблема: пространства внутри были заполнены красным разных оттенков – более тёмные по краям и более яркие внутри, из-за чего при взгляде на нашивку она казалась плоским изображением объёмной фигуры. Внутри той фигуры располагался белый череп, а выше – надпись «Highway Humans».

Мотоциклы у них были самые разные: дешёвые американские – у новичков (для тех, кто не смог добиться положения в жизни), дорогие китайские гироциклы – у тех, кто смог. Гироскопы позволяли держать равновесие вне зависимости от формы и размеров мотоцикла. Настоящие китайские круизеры впечатляли, вызывали улыбки женщин и зависть мужчин.

Артём даже купил себе такой. Продавцом оказался один из членов мотоклуба; цена показалась немного заниженной, однако все проверки мотоцикл прошёл на ура. Наноботы для имплантации навыков управления шли в комплекте, а сертификаты на них говорили о заводских настройках. Однако, немного поигравшись, Артём мотоцикл продал. Когда он ездил на нём, ему казалось, что ещё больше людей считают его обманщиком.

Те двое, кого он провожал взглядом, явно были давно в клубе и явно имели высокий статус. Об этом говорило количество нашивок на их грязных жилетках.

«Грязных и вонючих», – добавил он про себя.

На кухонном столе ожидал завтрак. Первая чашка кофе уже начала остывать, и Артём выпил её залпом. Тосты – хрустящие, ароматные, с тонкой золотистой корочкой – из настоящего хлеба. Была ли яичница из настоящих яиц, Артём не понял. Бекон – поджаристый, с лёгким привкусом кленового сиропа – был явно напечатан на фуд-принтере. Мышечные волокна и прожилки образовывали структуру, напоминавшую соты – верный признак того, что это мясо никогда не было животным, а было получено в биореакторах. Впрочем, вкус был прекрасен, чего, правда, не относилось к кофе. Технологии могли всё, но так и не смогли вернуть человечеству вкус настоящего кофе.

– Ох, Алиса… – Артём отложил вилку и закрыл лицо руками.

Они познакомились через общих друзей на одной из вечеринок. Миловидная брюнетка – умная, успешная. В свои двадцать семь она уже руководила крупной лабораторией при ИИ им. Бехтерева. Она покорила его сразу. Ей не нужно было делать что-то специально: она притягивала взгляды и была в центре внимания, где бы ни оказалась.

Она была замужем. Её муж занимал руководящую должность в структурах того же ИИ и был, казалось, не от мира сего – угловатый, как будто примерил на себя чужое тело, задумчивый. При взгляде на него по коже пробегали мурашки. Казалось, в его спокойных и размеренных словах было что-то металлическое.

Артёму нравилась Алиса, а её муж вызывал постоянную тревогу. Ему хотелось рассказать ей о себе, довериться. И рассказать он не мог. В своём кругу он был известен как успешный адвокат-программист, хотя, по сути, был вруном и мошенником. Тщательно скрывал истинные причины своего успеха и мучился совестью по ночам.

Подробности его последнего дела просочились в прессу, и друзья требовали от него отметить успех. Шутка ли – такие дела случаются раз в несколько десятилетий, и такая оглушительная победа! Обвинение целой роты спецназа в использовании DDoS-ботов при разгоне протестов вынужденных переселенцев в Московской области. Несколько сотен человек навсегда приобрели непереносимость наноботов, потеряли способность подключаться к сетям и обмениваться информацией как-то иначе, кроме тех примитивных сигнальных систем, которые придумала природа.

Военные преступления были его коньком. Вчерашний неудачник, адвокат-программист с дипломом Лесотехнического технопарка, который вдруг оказался талантом.

Всё было ложью. Его программы-адвокаты по-прежнему годились лишь для оспаривания дорожных штрафов. Его приложения не пользовались популярностью. Статистика выигранных дел была ниже среднего, и дохода от них едва хватало, чтобы сводить концы с концами. Никому не хотелось скачивать адвоката, который выиграет дело с вероятностью «орла или решки».

А потом он нашёл способ. Именно нашёл, не придумал, не разработал. Способ выиграть любое дело. Ему достаточно было нажать кнопку – и суд был у него в кармане. Рассказать об

этом он никому не мог. Потому выбрал для себя сферу военных преступлений. Слушания всегда в закрытом режиме. Всё под грифом «секретно». Ситуации всегда редкие и сугубо индивидуальные. Ответственность огромная, и подсудимые всегда готовы отдать всё что угодно, не задавая вопросов, лишь бы избежать наказания. А непрерывные военные конфликты обеспечивали неиссякаемый поток клиентов.

Сделка с дьяволом. Берясь за дело, он не мог не знать подробностей. Он хорошо понимал, кого защищает и кто виновен. Как и с той ротой спецназа, разгонявшей протесты удалённо при помощи сетевых аватаров и столкнувшейся с сервер-ботами протестующих. Оказавшись в ловушке, они, не моргнув глазом, запустили запрещённые программы, которые выжгли наноботов в телах доброй половины жителей подмосковной Коломны. Несколько сотен человек, включая детей, навсегда стали инвалидами, лишившись любых подключений и возможностей для имплантации программного обеспечения.

За кругленькую сумму Артём нажал свою волшебную кнопку. Все обвиняемые были оправданы. Сумма на его счету могла бы приятно удивить даже дожей Европы и тэцзиней Поднебесной. Вот только она не могла успокоить совесть.

Успех, который не был плодом трудов и упорства. Признание, которое он просто украл.

Поначалу не придав значения встрече с Алисой, теперь он всё чаще думал о ней. Симпатия была взаимна. Ему нравились их разговоры, нравился её подчас совершенно неожиданный взгляд на многие вещи. Он сам не заметил, как мысли о ней возникали всё чаще и чаще, и вот он сам себе признался во влюблённости.

Вчера она поздравляла его с триумфом. А ему было тошно. Он обманул систему, обманул всех – и её тоже. Как ей признаться в этом? Можно ли врать всегда? Будет ли симпатия той же, если он снимет маску?

На улице внезапно раздался беспорядочный недовольный гул десятков авто. Артём выглянул. Перегородив Московский проспект несколькими «Харли» и «Джинлонгами», байкеры колонной выезжали с Типанова. Продолжали двигаться на красный, создавая хаос в идеально упорядоченном трафике.

– Почему этим уродам просто мозги не выжгут? Чего им нормально не живётся?

Всем было очевидно, что никаких мотоклубов, тайных обществ образца середины XX века, существовать в наше время не может. Всё прозрачно: не нужно выбивать показания – достаточно простой нейровизуализации, чтобы раскрыть любой заговор. Подсудимый, хочет он того или нет, расскажет всё сам. Его лобные доли поведают замыслы, височные – подробности переговоров, гиппокамп выложит все схемы преступлений. И тем не менее эти люди всё ещё цеплялись за образы давно ушедшей эпохи.

Перед мысленным взором возникло уведомление о важном сообщении. Оно мерцало красным и медленно пульсировало. «Странно, я вроде бы в режим "недоступности" уходил», – подумал Артём, смахивая уведомление.

Уведомление возникло снова. Теперь оно было ярче и пульсировало настойчивее.

Артём похолодел. Подобное возможно, только если сообщение от государственных ИИ. Мысленно развернул меню, включил режим «в сети» и принялся читать посыпавшиеся сообщения. Поздравления тут же отправились в корзину. Отчёты об оплате счетов, парочка предложений о сотрудничестве, запросы на интервью – тоже.

Вот. Уведомление о заключении контракта. Защита обвиняемого в умышленном убийстве.

– Умышленное убийство?! Это же не моя тема!

Подробности. Развернуть. Пробежал глазами. Некий Евгений насмерть забил сотрудника ИИ ГБ и сбежал. Далее. Пропустить. Ничего интересного: вина очевидна, записи камер, результаты нейровизуализации, заочный арест. Без шансов вообще.

Вот оно… Суд. Закрытое слушание. Уведомление об использовании «Аргумента №1» – содержит только время. Время, когда была использована секретная функция его программы-адвоката.

– В смысле? Двадцать минут назад?!

Артём медленно сел. Аргумент можно было запустить только вручную, сделать это мог только он сам, введя ментальный код. Паролем выступали схемы цепей нейронов: если Артём при закрытых глазах представлял себе красный треугольник на фоне зелёного круга. Нейронные цепи – нечто более уникальное, чем отпечаток пальца или ДНК. Но он отчётливо помнил, что не делал этого. Он вообще не думал о работе. Время совпадало с моментом, когда он, мучаясь похмельем, ругал байкеров за окном.

Использованию этой функции всегда предшествовали переговоры и внушительная предоплата. Да и дело об убийстве? Оно же публичное, оно же проверяется ИИ – это равносильно тому, чтобы просто пойти к ИИ ГБ и написать явку с повинной.

Далее сообщения можно было не читать – их смысл красноречиво сообщали заголовки:
«Решение суда. Положительно»,
«Апелляция»,
«Уведомление о пересмотре»,
«Аудит»,
«Уведомление о возбуждении уголовного дела»,
«Решение Московского районного суда. Арест».

Шестнадцать секунд от нажатия кнопки до решения о его аресте. Артём задержал дыхание.

«Уведомление. Арест счетов»,
«Уведомление. Ограничение доступа в сеть»,
«Уведомление. Ограничение использования…».

Читать дальше смысла не было. Он лишился всего.

Счета арестованы, подписки на автомобили и мотоциклы приостановлены, введён запрет на безналичный расчёт, запрет на трансляцию любой информации через сети.

Дверь в квартиру открылась сама собой. Приказать ей закрыться Артем не мог из-за наложенных ограничений. Он не мог кому-либо позвонить или сообщить о своих проблемах. Он не мог купить еды или одежды. Он знал, что, выйдя сейчас на улицу, все двери, турникеты, порталы доступа будут открываться перед ним только, если он будет двигаться в сторону полицейского участка, и будут мгновенно закрываться, стоит ему хоть на шаг отклониться от маршрута.

Нет нужды в группе захвата, если арестованный оказывается перед выбором: пойти самому в участок и сдаться или умереть от жажды и голода на том месте, где он стоит. Самоубийцей Артем не был.

Сейчас, выйдя на улицу, он смотрел немигающим взором на Московский проспект и не узнавал его. Вездесущий и совершенно незаметный ИИ Внутренних Дел заменил всю рекламу и дорожные указатели на видимые только ему – Артему – стрелки с указанием направления к ближайшему полицейскому участку. С Московского проспекта на улицу Типанова, прямо до Ленсовета, направо до здания бывшего магазина «Четверочка», пару лет назад выкупленного городскими властями для нужд ИИ ВД.

Прямоугольное двухэтажное здание. Стеклянные стены и двери. На металлических щитах над входом красуется желтая табличка «ИИ ВД по Московскому району города Санкт-Петербурга», за ней – едва различимые, похожие на тени, выжженные временем буквы «Четверочка» – след, оставшийся от предыдущих владельцев.

Стеклянные двери плавно раздвинулись. Артем вошел внутрь. За стойкой ресепшена в черной форме полицейского стоял единственный служащий участка.

– Артем Сергеевич, вы записаны на арест через еще только десять минут. Садитесь в приемной, пожалуйста.

– Не садитесь, а присаживайтесь, – совершенно серьезно произнес Артем фразу, вдруг всплывшую откуда-то из глубин памяти.

Полицейский хмыкнул, задержал на нем взгляд. – Как вам угодно… – и невозмутимо указал пальцем на скамью, продолжая всматриваться в экран.

Через несколько минут полицейский подошел к Артему. При его появлении двери напротив открылись, и полицейский пригласил его на допрос.

Комната для допросов являлась одновременно и камерой для задержания и напоминала скорее больничную палату. Стены из матового стекла – проекционные мониторы, сейчас выключенные, переведены в режим освещения. Кушетка в углу точь-в-точь как в больнице, стол и два кресла по сторонам от стола.

Артем занял предложенное кресло, полицейский сел напротив него, рассматривая что-то в прозрачном планшете. Перед мысленным взором Артема появился запрос на оказание сопротивления.

– Драться будете? – Полицейский говорил равнодушным будничным тоном.

– А есть смысл?

– Закон утверждает, что каждый человек имеет право на сопротивление. Но в этом случае нам нужно разрешение суда на проведение расследования. – Артем обратил внимание, что указательный палец правой руки полицейского завис в нескольких сантиметрах над планшетом. Скорее всего, над кнопкой, видимой только полицейскому, – кнопкой, запускающей служебную команду, по которой суд за долю секунды выдаст разрешение на применение физического воздействия к Артему, а наноботы в его теле и машины, умело спрятанные дизайнерами в стенах участка, дадут полицейскому полный контроль над телом задержанного. – В то же время чистосердечное признание смягчает наказание.

– Сделаю вид, что верю. – Под запросом на сопротивление аресту два варианта на выбор: «Я намерен сопротивляться. Мне даны разъяснения о проведении допроса против моей воли» и «Я согласен на проведение следственных действий и отказываюсь от сопротивления». Артем выбрал второе.

В воздухе, видимые только Артему, возникли линии света, которые быстро сформировали подобие куба вокруг него. К граням этого куба с потолка стали опускаться прямоугольники прозрачного хрусталя. «Пико-томограф», – догадался Артем.

Нет необходимости в долгих расспросах. Устройство, аналогичное медицинскому нейровизуализатору, аккуратно, с претенциозной точностью изучит, разложит по полочкам и коробочкам работу его мозга, его память, чувства, эмоции. Создаст математическую модель. Уберет все лишнее, сотрет помехи и случайные ошибки нейронных связей. Пригладит, подчистит данные и скормит это ИИ ВД, который, оперируя этими данными подобно тому, как древнейшие нейросети оперировали словами-промптами, опишет всю картину преступления. Господину полицейскому останется только прочитать, задать уточняющие вопросы, если вдруг найдутся белые пятна в повествовании, а затем передать дело в суд.

Ничего не происходило. Не было звуков шипения или металлического лязга. Артем молча смотрел на прозрачные стекла, пока гравитационные кванты проносились сквозь его голову.

– Когда допрос будет завершаться, длина волны станет возрастать, и может быть чуть-чуть неприятно. Не волнуйтесь. – Тон полицейского был наигранно заботлив; он явно произносил эти слова не первый раз за сегодняшний день.

Все вокруг на мгновение окрасилось синим, в ушах возник тонкий высокочастотный писк и сразу исчез. Светящиеся линии в воздухе так же исчезли, стеклянные панели плавно поползли вверх.

– Ну, вот и все. Сейчас, буквально секунду, я просмотрю протокол, иногда требуется задать некоторые вопросы. – Холодный тон полицейского стал напоминать скорее речь врача, когда тот прощается с последним пациентом в пятницу вечером. – Он задумчиво читал что-то на экране. Экран с обратной стороны казался совершенно прозрачным куском стекла.

Выражение лица полицейского стало меняться. Брови поползли вверх, глаза расширились.

– Ничего не понимаю. Можете своими словами рассказать?

– Что рассказать? – Артем растерялся.

Полицейский делал пассы руками в воздухе, листая видимые только ему документы.

– Тут все просто и понятно. Так, здесь тоже. Сделка, нажива, ага, – он стал листать чуть быстрее, затем остановился, – вот вы посылаете в судебный ИИ фальсифицированные доказательства первый раз, тут тоже все понятно, – он взмахнул в воздухе еще дважды и снова остановился, слегка ухмыльнувшись, продолжил, – о, девушка-психолог. Симпатичная… так-так, чувство вины, раскаяние – это пойдет вам в плюс на суде… Где же? А, вот… Осколок.

– Осколок? – Артем смотрел прямо перед собой, по его телу пробежала мелкая дрожь. – Я не знаю, что рассказывать.

Теперь лицо полицейского перестало быть равнодушным, оно скривилось в гримасе то ли презрения, то ли отвращения. – Послушайте, давайте я не буду запускать сканер еще раз – это влетает в копеечку, если что, а платить придется вам. Сканер изучал поверхностно, выдает белиберду. Могу уложить вас вон туда, – он указал на кушетку, – и просветить как следует.

– Не надо, я все расскажу. Помните, на Гагарина была психиатрическая клиника?

– Что?

– Ну та, которая… где врач напал на психолога, и она его грохнула – это было во всех новостях.

– Ну, что-то такое было…

– Я был там в тот вечер. Не могу объяснить почему… – Артем поднял глаза. – Правда, я не знаю. Никогда не был религиозен, но почему-то за день до тех событий я нарисовал плакат и пошел протестовать. И я был одним из свидетелей по делу потом, хотя и плохо помню, что происходило. Помню, что стоял на улице, потом бах – разбитая дверь и… помню, как иду, а все стоят и смотрят. А он там, на полу, и лужа крови, и девица плачет. А я, а я стою и смотрю на то, как из его головы фонтанчиком бьет кровь и оторваться не могу. Она убила его. Ударила кристаллическим планшетом прямо в висок. Бах, и он покойник. Умер настоящей смертью. А я стою и смотрю. И… Планшет – он упал и разбился. И я зачем-то поднял осколок.

– Что было потом?

– Я не мог уснуть…

– Нет, что стало с осколком?

– А… – Артем рассеянно шарил глазами по монотонным матовым стеклянным стенам. – Эти планшеты, эти квантовые технологии – они производительнее, чем все компьютеры конца двадцать первого века вместе взятые, и они хранят информацию по всему объему устройства. У меня был осколок, и я решил прочитать, что в нем.

– И? Что там было?

– А так и не понял, что… Сигнатуры были как у части видео, но объем был огромный. Программы для визуализации не справлялись. Попробовал через программы нейровизуализации.

– У вас был доступ к нелегальному нейровизуализатору?

– Нет, только программа – скачал с торрентов. Программы воспроизводили ерунду какую-то. Один статичный кадр, что-то вроде червя на фоне стального листа. Каждый раз по-разному, но в общем ни на что не похоже.

Артем помолчал, вспоминая, а затем продолжил:

– А потом я запихнул всю запись в ассемблер… Понимаете? Получился код… Я программист-адвокат, и курс по программам для наноботов я плохо помню – это что-то совсем уж запредельное. Но… Это был кусок кода для нанитов.

– И что должны были делать эти наниты?

– Не знаю, у меня же был только осколок… и я не знаю, кто и как мог вообще написать такое… Это… Этот отрывок – он гениальный. На тот момент у меня было уже пару адвокатов

написано. Народ их не шибко брал, дела выигрывались так себе. Ну, я и запихал этот код в адвоката…

– Что было дальше?

– А дальше… Этот отрывок – он гениальный, такого нигде не видел ни у кого – любой ИИ, который его видел, начинал ошибаться. Программы распознавания лиц при предъявлении этого кода видели цветочки и зверушек, полицейские боты вместо неправильно припаркованных машин видели клумбы в воздухе, банки легко соглашались на бессрочный кредит под отрицательную ставку – короче, черт знает что происходило. Я мог бы украсть что угодно, но испугался. Если не ИИ, то люди потом поймают. В результате я стал использовать этот код, вешая его пакетом данных к файлам доказательств в суде. Суд открывал файл и безоговорочно был на моей стороне… Остальное вы знаете.

– Черт знает, что…

– Понимаю, почему военные преступления… А почему дело об убийстве взяли?

За стеклянной непрозрачной стеной раздался смех.

– А я не брал.

– А кто брал?

– Не знаю, я в тот момент был в отключке и… – Артем и полицейский смотрели друг другу в глаза, – меня подставили!

Полицейский захохотал так, что хрустальные стены отозвались звоном.

– Ну, приятель… Господь всемогущий… – Полицейский едва совладал с собой. – И ты туда же? Все вы невиновные…

Артему показалось, что полицейский плюнул в сторону. Или не показалось?

– Ладно. Передаю дело в суд.

Перед Артемом в воздухе возникло окно, которое информировало о направлении его уголовного дела в суд и предлагало выбрать уровень суда. Артем выбрал четвертый.

Затем возникло окно, предлагающее выбрать адвоката. Артем перешел в магазин адвокатов и не без труда выбрал собственную программу.

Из-за стены вновь донесся шум – теперь это был шум потасовки, глухие удары и обрывки фраз: «Сюда иди, я тебе ща…»

Полицейский пальцами пробежал по планшету, что-то читая. Одна из матовых панелей мгновенно стала прозрачной. На мгновение Артем увидел три фигуры на лавочке у ресепшена. Тот, что был слева, отпрянул назад и склонился вбок, фигура посередине казалась женской, тот, что справа, почти встал со скамьи и пытался в полуприсяде ударить того, что слева. Его фигура загораживала обзор. Лица было не видно, но на его спине была отчетливо видна нашивка «Pan Orbital» – сине-зеленый круг, опоясанный овалом, и силуэт мотоциклиста – признак того, что владелец жилетки совершил путешествие вокруг Земли по кольцевому трансконтинентальному шоссе на мотоцикле. Это был байкер.

– Эй, вы двое! Слышь! Арест только через полчаса, а ну, пошли вон на улицу! – заорал полицейский.

При этих словах скамья сложилась и исчезла в стене. Вся троица повалилась на пол. Девица начала хихикать. Полицейский вновь сделал стеклянную панель непрозрачной. Шум за стеной утих.

Процесс суда начался автоматически. Полоса загрузки «изучение доказательств», затем за долю секунды – «судебное следствие». Еще пара секунд – Артем ждал. Вот оно: «Прения сторон». Артем помыслил пароль и так же мысленно нажал виртуальную кнопку.

Теперь возникло уведомление о запуске судом процесса принятия решения.

– Ладно, это все интересно, конечно. Но тут с тобой кое-кто поговорить хочет. – Полицейский повернулся на кресле. Одна из стеклянных панелей за его спиной отъехала в сторону.

В кабинет вошел мужчина в сером, ничем непримечательном деловом костюме, с пепельно-русыми волосами и такими же серыми глазами. В воздухе повисло уведомление о вступлении в силу приговора суда с предложением об ознакомлении. Артем как зачарованный смотрел на человека в сером.

Полицейский повернулся лицом к стене, его глаза смотрели в никуда и при этом постоянно двигались, правой рукой он чесал подбородок.

– Добрый день, – проговорил серый. – Вашим делом заинтересовались интеллекты ГБ, вам придется пройти со мной. – Его лицо расплылось в заговорщицкой улыбке. Глаза быстро метнулись влево, вправо, и он как-то очень недобро подмигнул Артему. – Да-да, вне зависимости от решения суда.

– А вы, офицер… – Серый перевел взгляд на полицейского. Полицейский повернулся к нему, его взгляд был совершенно пустым. Серый описал правой рукой круг в воздухе. – Ваше предписание на внеплановую нейромодуляцию. 15-я линия, дом 4…

Полицейский молча подался вперед, вставая с кресла. Артем открыл рот. Про ИИ ГБ ходило множество слухов, его агентов он никогда не видел. Смотрел как зачарованный.

– Глаза! – донесся до мозга крик.

В проем двери с глухим стуком вкатился кем-то брошенный икосаэдр лилового цвета.

Мозг еще только-только осознавал услышанное, сознание еще только-только представляло ему смысл этого крика. Мышцы глаз автоматически сомкнули веки. Ослепительно яркий свет ударил в глаза, вспыхнул алым. Дикий калейдоскоп символов, знаков, геометрических фигур пронесся быстрее, чем мысль могла уловить увиденное.

Артем сжал подлокотники кресла. Тело напряглось, как перед прыжком со скалы. Сердце заколотилось бешено. Дыхание сперло. На мгновение ему показалось, что пол под ним исчез и он рухнул вниз куда-то, а затем резко остановился. В ушах за мгновение оглушительный грохот превратился в исчезающий высокочастотный свист, в нем смутно угадывались обрывки слов и

возгласов. Похоже на воспоминание о диалоге, который слышал во сне – только что казалось, что ты понимаешь смысл, как в следующую секунду ты не можешь вспомнить ни слова.

Артем открыл глаза. Перед глазами слепыми пятнами плыли круги, треугольники, иероглифы.

Комната была темной, стены стали прозрачными. Одна из потолочных панелей едва светилась холодным белым светом. В воздухе явственно ощущался запах сгоревшего пластика.

Серого не было видно. Полицейский вжался в кресло, старался проморгаться и тяжело дышал.

– Охренеть, я такое видел во время Новосибирской операции только. Это же…

– Интеллектуальная граната, – проговорил незнакомый бархатистый мужской голос. Казалось, он усмехнулся.

Артем и полицейский посмотрели в дверной проем. В него в этот самый момент входили трое. Все трое в жилетках мотоклуба. Все трое в мотоциклетных шлемах. У всех троих – непроницаемые черные визоры. Первым вошел мужчина, явно с армейской выправкой, второму явно не хватало пары-тройки килограммов массы тела, его движения казались угловатыми и неловкими, последней зашла девушка.

– Американская?
– Не, у нас только лучшее. Китай.
– Настоящий Китай? Суки, вы мне протез вырубили… – Только сейчас Артем заметил, что полицейский сжимал подлокотник кресла только левой рукой, правая же висела как плеть.
– Ну, ничего, отойдет…
– 32, 31, 30… – монотонно считал второй байкер.

– Что это было? – голос Артема дрожал и срывался. Самообладание к нему еще не вернулось. Он заметил, что оповещение о решении суда, ранее висевшее перед взором, съехало куда-то вправо и при повороте глаз постоянно уплывало.

Тощий байкер направил руку к светящейся панели на потолке. От его пальцев к ней потянулись блестящие ленты. Скользнули по панели, затем как будто прилипли к ней и в следующее мгновение погрузились в нее, так же засветившись холодным белым светом.

– Икс, димкон, 27, 26…
– Это, по сути, очень яркий проектор и антенна. На всех частотах, во всех спектрах – от рентгеновского до инфракрасного – выдает команды всем окружающим ИИ и беспроводным соединениям. Делает это так, чтобы все повисло. Для здоровья безопасно, если нет эпилепсии, – голос был женский и смутно знакомый.
– 25, 24, 23… Рефрактор плюс, изоляция.

До Артема дошло, что тощий говорит военными терминами. Икс – инвазивный канал связи, димкон – динамический контроль. Проникновение и захват сетевых систем противника – вот, чем он был занят.

Обладательница женского голоса подошла к Артему ближе. Взмахнула рукой, и Артем похолодел снова. Оповещение о приговоре суда – последнее полученное им сообщение – она переместила его в центр его взора.

– Но как? Это же только я могу видеть…
– Да, есть пара способов.
– 19, 18, 17…

Она нажала на видимую только Артему (вернее, видимую только им двоим) кнопку «прочитать». Оба уставились в пустоту.

– Тема, ты серьезно?! В деле о мошенничестве за использование бага ты использовал тот же баг и выставил сам себе мелкое хулиганство?
– А что я должен был делать по-вашему?!
– Это очень по-человечески…

Только сейчас Артем вблизи рассмотрел жилетку на ней. Как и на двух других байкерах, она вся была в нашивках. Только нашивки были странными. Нет, на первый взгляд все эти картинки и надписи казались обычным косплеем по байкерской тематике. Всего этого было предостаточно в сети и магазинах. Вот только все линии, все символы состояли из фрактальных узоров. Сплошные треугольники, круги, и все это оплетало месиво из цифр и QR-кодов. Что-то похожее Артем видел сразу после взрыва интеллектуальной гранаты. На груди нашивка была крупнее, и она не была оплетена бесконечными геометрическими фигурами. Красный треугольник на фоне зеленого круга.

– Так это вы меня подставили? Вы взломали адвоката, приняли дело, а потом показались мне с этой нашивкой… Осознать я не осознал, а мозг успел распознать рисунок.
– Именно. Ты помыслил фигуры, а потом моргнул. Так эти пароли и ломаются.
– Зачем?
– Где осколок?
– А если я не скажу? Пико-томограф вы сожгли, а я под надзором у полиции…
– От Обводного до Площади Победы висит все, что может висеть, и никакие менты тебя не видят сейчас.
– Это временно, – его уверенность начала иссякать.
– За тобой придет ГБ, и ты покойник. Пойдешь с нами – скорее всего, ты тоже умрешь, но, может, проживешь чуть дольше. Где осколок?

Артем молча приложил указательный палец правой руки к своему виску.

– ГБ прикончат вас всех, – полицейский ухмыльнулся и сплюнул на пол.
– Мы, похоже, сексота грохнули, – тихо проговорил первый байкер и указал за стол.

Только сейчас Артем заметил, что оба байкера старательно не смотрели в сторону девушки.

– Пиздец…

Там, между столом и стеной, лежало тело. Серый костюм, пепельные волосы. Вот только глаза стали странными. Зрачки расплылись и деформировались, подобно чернильным пятнам

в воде. Из уха текла кровь. Но не только кровь. Еще какая-то серая жидкость, которая вытекала из одного с кровью сосуда, но не смешивалась с ней.

– 9, 8, 7… – тот, что стоял у единственной работающей панели, качал головой из стороны в сторону, затем кивнул в сторону полицейского. – Слышь, Донат, этот тоже сероглазый, драйвера распаковывает. У меня все – можно валить. – Ленты в его руках внезапно отпали от потолка и втянулись в пальцы.

– От меня не убежишь, – выражение лица полицейского стало совершенно безумным. Глаза искрились в болезненном экстазе, лицо перечеркнула ухмылка. Здоровой рукой он опирался на стол и медленно поднимался.

Тот, кого назвали Донатом, просунул руку под жилетку и достал пистолет, навел на полицейского.

– Пойдем, тебе этого не нужно видеть, – она взяла Артема под руку и повела к выходу.
– Алиса, это же ты? – он остановился.

Обернулась, подняла визор. Ее глаза…

– Прости, план был совсем другим…
– 3, 2, 1…

Выстрел.

Краткий щелчок, сливающийся с мерзким чавкающим звуком.

Осколок черепа полицейского, пролетающий сквозь Алису, не встречая препятствия.

Артема объял ужас от осознания происходящего. Они убили человека. И она не была настоящей – все это время её видеть мог только он. Более того, её проекция аппаратно располагалась в его мозгу, она не использовала компьютеры и проекционные экраны, она была запрограммированной галлюцинацией, использующей его нейроны без его ведома. Все это время она была внутри его головы. Все это время она не проявляла себя. Ждала.

– Артем, послушай, – её голос звучал нежно и в то же время торопливо, – мы поговорим в безопасном месте. Хорошо? А сейчас… Оставаться с двумя трупами в комнате и куском шпионского кода в голове… Пойдем. Мотоцикл довезет тебя куда надо. Не стой. Резервные системы уже запустились, сканирование изменений они начнут через пару минут.

На деревянных, негнущихся ногах он побрел к выходу.

Байкеров нигде не было видно. За прозрачными окнами участка стоял одинокий «Харли». Плавная пульсация габаритов бирюзового цвета сообщала о готовности отправиться в путь на автопилоте.

Глава 4. Мученик

Евгений задержал дыхание и наклонился к стеклу, чтобы в мерцании свечей уловить мельчайшие пылинки. Протер стекло еще раз и, спустившись с клироса, удовлетворенно осмотрел результаты своего труда. Иконостас представлял собой цельный проекционный экран с единственным проемом – царскими вратами – так же являвшимися экранами. По словам отца Кирилла, в том, чтобы иконостас был одним-единственным экраном, крылся глубокий символизм. Верующие, смотря за амвон, видели три экрана – сам иконостас и две створки царских врат. Троица. Сейчас, когда время службы еще не настало, створки были матовыми и непрозрачными, а образа на иконостасе отображались схематично, казались погруженными в туман.

Евгений знал, что никакого изображения в этом идеальном полотне хрусталя нет, а то, что он может видеть, – лишь иллюзия: фотоны отраженного света, направляемые в его сетчатку микромашинами, создавали образа в его голове. И в то же время осознание, что здесь и сейчас он единственный, кто может видеть эти образа, наполняло все происходящее новым, не до конца понятым смыслом.

Совсем скоро начнется служба, в зал зайдут аватары прихожан, и смысл изменится. Евгений будет не единственным, кто может все это видеть. Литургия разольется по храму. Все пришедшие придут за спасением, и в их спасении, и в их молитве будет его маленький вклад.

В его обязанности входит поддержание чистоты в храме. Во всем, кроме алтаря. Ему нужно очень многое для себя открыть и понять прежде, чем он будет готов принять постриг, прежде чем он сможет прикоснуться к святыням. И самое сложное в том, что ему еще предстоит принять тот образ мыслей, что надлежит иметь священнику. Отказаться от критицизма, довериться своей вере, погрузиться в нее всем, что он есть. Сейчас же его вера была слаба: он обрел Спасителя, но тут и там сомнения брали верх.

Приход святого Кондратия Месукевийского Экуменистической Церкви – простое, аскетичное строение из бетона. Казалось, она была создана из бетонных параллелепипедов, встроенных в опору развязки съезда с орбитального шоссе. Исполинские башни опор возвышались на много километров. Промышленность давно была расположена на орбите, и грешно было не использовать освободившееся пространство. Тут были и жилые кварталы, сервера дата-центров многих ИИ, тут же была встроена церковь. Простая модульная конструкция храма мало чем отличалась от других помещений башни. Украшений, дополнительных окон было мало, так как устанавливалось за дополнительную плату, а приход в пулковских трущобах всегда был беден.

Отец Кирилл приютил Евгения, дал ему кров, дал ему пищу и дал ему смысл жизни.

Во внутреннем убранстве так же все было очень сдержанно. Стены отделаны многоцветными проекционными панелями из матового стекла. По слухам, были куплены бывшие в употреблении стены полицейского участка и использованы вторично. На них застыли проекции убранства собора Святой Софии Великого Новгорода. Подписка на них обходилась храму недорого, а статус религиозной организации надежно защищал от встроенной рекламы.

В храме не было наномашин. Управлять и настраивать изображения на экранах необходимо было вручную, используя архаичные планшеты с сенсорными клавишами. «Проще – только сразу рисовать на досках», – думал Евгений. – «Простота – одна из сторон смирения», – из глубин памяти донеслись слова отца Кирилла. Евгений улыбнулся им.

«Нанороботов все равно заносит, просто даже и сквозняком». – «Да, но убирая пыль, а они лишь пыль в этом месте, нам всем выдается минутка, чтобы еще раз обратиться к Господу».

И это было правдой. Евгений находил какое-то особое тихое упоение в том, чтобы поддерживать храм в чистоте. Он подметал и мыл пол, наводил чистоту на хрустальных стенах, вручную настраивал яркость и мерцание кадил – что было весьма непросто.

Настройка отображений долго вызывала в нем внутренний протест. Зачем все эти настройки, все эти математические характеристики пламени, да еще и для каждой свечи в отдельности. Но потом он понял. Всякий раз, когда он занимался настройкой, он полностью концентрировался на одной конкретной свече, улавливал ее пламя среди десятков других, двигая настройки так, что она выглядела максимально естественно, и в конечном счете он прислушивался к самому себе. Оставался один на один с собой, и тогда наступало время для покаяния. Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению.

Храм вовсе не был лишен связи с внешним миром. Он имел все привычные каналы телекоммуникации. Его аппаратура позволяла подключаться аватарам прихожан, посещать службы и обращаться за требами в любой момент, хоть и не присутствуя физически, получая неотличимые от реальных воспоминания об этом.

Отец Кирилл аватара не имел. Очень долго Евгений считал, что он вообще не подключен к сети и пользуется только органами чувств.

Как-то раз Евгений убирался в причтовом доме – небольшой квартире там же, внутри башни, – и в подвале нашел контейнер с порошком желтого цвета. Значок на контейнере «E102» ничего ему не говорил, и, решив, что это средство для мытья полов, он кинул его в воду. Полы мыться лучше не стали, однако спустя время кожа на руках стала меняться, становиться прозрачной, похожей на тело медузы. С ужасом он наблюдал биение сосудов, ставших видимыми сквозь кожу своих рук. Прижав руки к груди, закутав их тряпками, чтобы не видеть, бледный от ужаса, он побежал к отцу Кириллу за помощью. А тот вздохнул и снял кипу. На мгновение Евгений забыл о своих кистях и так и смотрел на священника, открыв рот. Под кипой кожа была такой же прозрачной, а часть черепа, повторяя края кипы, была заменена на прозрачный протез. За ним мерцали сенсоры, ретрансляторы, датчики лазерной связи. Тогда-то отец Кирилл и поведал ему, что все священники Экуменистической церкви, отказавшись от наноботов в своих телах, оставались включенными в общую сеть. Проекционные экраны храмов, создавая иллюзии для прихожан, вполне легко справлялись с созданием направленных лучей. Связь поддерживалась лазерными лучами в инфракрасном диапазоне. Конечно, скорость передачи данных таким древним способом была невелика, но вполне позволяла поддерживать общение, обмениваться мыслями, видео и иногда чувствами. Сплачивала священников в единое. В контейнере был тартразин.

Сейчас, когда опыты на животных ушли в прошлое, когда все можно было смоделировать при помощи сетей, именно церковь стала основным его потребителем. Он позволял делать ткани прозрачными и тем самым повышать качество сигнала лазерной связи. Вжив-

ление клеток, способных накапливать тартразин, и замена межтеменной чешуи затылочной кости с частями теменных костей на прозрачный купол, вживление евхаристических имплантов давно стало частью священства. Согласие на них стало условием окормления паствы. Во время литургии, во время священных таинств сенсоры были прикрыты кипой, и священник мог посвятить всего себя служению. Но, удалившись в келью, он оставался в курсе внутренних дел церкви.

Эффект тартразина постепенно исчез, и кожа, оставшись неповрежденной, вновь стала непрозрачной. Тогда они долго спорили. Евгений ощущал так и не осознанную им тогда двоякость использования лазерной связи в церкви.

– Как же так? – вопрошал он. – Вы учили меня, что наноботы в теле, вечный онлайн – есть грех, что они противоречат замыслу Его, а сами под кипой носите лазерные ретрансляторы!

– Нет, сын мой, – отвечал ему отец Кирилл. – Не сама связь, не сама передача данных является грехом. Ведь люди всегда этим занимались – через рот, словами, а если их мало, то взглядом, жестом, поступком, и в конце концов, общение – есть дар Божий. Но только наноботы позволяют менять самую суть человека. Сейчас, когда не найти простого мирянина, да что там мирянина – половина епископов до священства хоть раз подвергались нейромодуляции, чтобы сохранить себя, мы вынуждены отказаться.

Евгений задумался: смутные воспоминания о прошлой жизни все еще преследовали его.

– Ты подвергся модуляции, так кто ты теперь? Какой ты есть настоящий? Тот, что был или тот, кем ты стал? Ведь это разные люди, Евгений. Чья душа была ниспослана с небес? – отец Кирилл тогда осекся и замолчал. Евгений молчал в ответ, не в силах высказать свой вопрос. – Прости, Евгений, – церковь учит, что чудо может быть ниспослано только Богом, иное же от Лукавого. Ты изменился: не усердной молитвой, не обретение веры изменило тебя, а последствия теракта…

– Так у меня, по-вашему, нет души?! – Евгений говорил медленно. Он так и не выбрал для себя ответ на этот вопрос.

Отец Кирилл молчал, смотря ему в глаза, и со вздохом произнес: – Неисповедимы пути господни. Ты нашел в себе силы встать на путь истинный. Я верю в это. А без живой души это невозможно.

Евгений молчал, глядя прямо перед собой, его разрывало на части от чувства вины и стыда.

– Многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие.

– Но Вы тоже изменили себя! «Славлю тебя, потому что я дивно устроен». И Вы, святой отец, знаете, откуда эти слова. Бог создал нас по своему образу и подобию, кто мы такие, чтобы менять себя?

– Менялись ли люди прошлого от того, что пользовались телефоном? И что такого, что теперь мы носим телефон в голове? Нет. Меняются ли люди после нейромодуляции?.. Потому-то наноботы и запрещены.

Евгений развернулся и пошел к выходу. Отказался от пищи на сутки, принимая только воду, и посвятил весь следующий день молитве.

Много позже к Евгению пришло смирение и с этим. Действительно, лазерная связь вполне позволяла поддерживать информационный поток, который признали бы сносным где-нибудь в конце двадцать первого века. Однако она не позволяла передачу психических феноменов. Слова, мысли, но не чувства. Или чувства, но только они – без какой-либо осознанности. Многие соблазны становились просто невозможными. Нельзя принять интеллектуальный наркотик, невозможно подключиться к нейросетевому порно, транслирующему в мозг не просто физические ощущения, а саму страсть и похоть, да такими, какие не могли себе представить люди без сетей. Сложно представить, но отсутствие наноботов помогало поддерживать целибат. Ведь большинство браков были виртуальными: супруги могли не делить ложе друг с другом, их боты вполне могли создать иллюзию для них, передать чувства и страсть лучше, чем они были бы, будь они реальными.

Все равно рождение детей давно стало вопросом медицинских технологий. ИИ Минздрава возьмет на себя редактирование генома будущего ребенка, тщательно отредактирует гены, заранее избавит от рисков. Далее выбор за родителями: вынашивать самим или воспользоваться одним из инкубаторов ИИ им. Земмельвейса. Большинство, если и решались завести детей, то предпочитали инкубатор. Это безопасно, надежно и позволяло не упустить ничего из привычной жизни, получив заведомо здорового ребенка. Церковь закрывала на это глаза. В конце концов, отказываться от будущих прихожан никому не хотелось. Вопрос о том, считать ли использование инкубационных технологий непорочным зачатием, оставался открытым. Как и вопрос о том, считать ли создание пико-машинами зигот будущих людей без использования атомов из тел их родителей актом творения или нет.

Евгений стоял у окна и смотрел на Небеса.

Человечество, по его представлению, извратило их. В этом его представление совпадало с мнением церкви. Больше не было смерти. Не было больше ада и рая. Купол из стали, бетона и проекционных экранов заслонил небо над городом. Там жили мертвые. Столкнувшись с кризисом перенаселения, человечество решило, что смерть все же нужна, что биологическое бессмертие – путь в никуда, но умирать никому не хотелось. Тогда был найден выход.

Там, на многокилометровой высоте, выше парящих кварталов, выше орбитального шоссе, в рукотворном кольце Земли, где была сконцентрирована вся промышленность планеты, были построены сервера Небес. Цифровые копии людей жили там. То, что каждый представлял из себя в реальной жизни, то, что захотел, чтобы было в нем после неё, воссоздавалось в виде компьютерной симуляции. Кто-то называл их «душами», а иные презрительно наименовали «анимированными куклами». Они обладали всеми воспоминаниями, которые умерший хотел сохранить, они могли переживать чувства, которые человек при жизни хотел ощущать. Они грезили, пребывая в полусне-полубодрствовании и в вечном умиротворении, пока кто-то из живых не удосуживался нарушить их покой. И тогда они могли беседовать как их покойные прототипы.

Состоятельные люди могли позволить себе копию настоящего тела и запись своего образа с Небес, обретая тем самым бессмертие. Первые поколения воскрешенных таким образом людей оставались застывшими в одном из конкретных периодов своей жизни, не могли иметь

стремлений, которых не было при жизни его прототипа, не могли устанавливать новые связи и привязанности. Сложные механические куклы. Последние поколения – новейшие образцы были неотличимы от своих покойных оригиналов и обладали всеми правами настоящих людей.

Ни одна из религий не смогла принять этого. Нечестивое воскресение.

Смертей стало несколько: промежуточная и истинная. Только истинная смерть, по мнению церкви, гарантировала Страшный суд и шанс попасть в рай.

Тела священников, лишенные наноботов, не оставляли информационного следа в Небесах. Священник умирал один раз и навсегда.

Нейросети, обслуживающие Небеса, потребляли от десяти до двадцати пяти процентов всей мировой энергетики. Они были злом, порождением антихриста, созданным, чтобы окончательно отвратить человечество от спасения. И именно поэтому Евгений не смог принять использование ИИ церковью.

Со служением отец Кирилл справлялся в одиночку. Чего нельзя было сказать о приходе в целом. Одному человеку было не под силу заниматься и тем, и другим, следить за счетами, за обслуживанием помещений, за маркетинговыми стратегиями и всем прочим. Практически всем этим занимался ИИ Церкви. Новость о его использовании святыми отцами шокировала Евгения. Он искал оправдание в том, что это лишь очень удобный инструмент, а священнослужители остаются людьми даже больше, чем их прихожане.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.